

ЭММА БЭМФОРД

ГЛУБОКИЕ ВОДЫ

Завораживающая история, полная
утонченного, зловещего напряжения.
ЛИ ЧАЙЛД

Эмма Бэмфорд

Глубокие воды

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404631
Глубокие воды: Фантом Пресс; Москва; 2024
ISBN 978-5-86471-952-7

Аннотация

Детективный триллер, разворачивающийся на маленьком необитаемом острове, затерявшемся в Индийском океане. Когда патрульное судно натывается на терпящую бедствие яхту посреди Индийского океана, капитан Даниал Тенгу отдает приказ оказать помощь. На борту дорогой яхты британская пара – тяжело раненный мужчина и его жена, которая, задыхаясь, бормочет: «Это все моя вина. Я убила их. Убила!» И рассказывает шокирующую историю. За несколько месяцев до этого недавно поженившиеся Виржини и Джейк решили полностью изменить свою обычную, вполне устроенную жизнь – потратили сбережения на старенькую яхту, привели судно в порядок и отправились путешествовать по миру. Они стартуют в оживленной гавани Малайзии, где узнают о крохотном уединенном острове Амаранте – с идиллическими пляжами, безопасными джунглями, незабываемыми рассветами и закатами. И ни отелей, ни сувенирных лавок – там нет ничего, остров необитаем и уже давно стал раем для круизёров-романтиков.

Благополучно добравшись до Амаранте, Виржини и Джейк с первого же дня оказываются в плену у этого действительно райского места. Они вливаются в маленькую коммуну таких же, как они, путешественников-романтиков. Изолированный остров, никакой связи с остальным миром, семь человек и один пес – вот и все его население... Но иногда рай – это лишь декорация ада. И вскоре остров превращается в ловушку, а авантюрная мечта о жизни вдали от цивилизации – в кошмар наяву.

Содержание

«Патусан»	6
1	6
2	14
3	20
4	25
Амаранте	36
5	36
6	48
7	61
8	69
9	76
10	89
11	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Эмма Бэмфорд

Глубокие воды

Deep Water by Emma Bamford

Copyright © 2023 by Emma Bamford

© Любовь Карцивадзе, перевод, 2023

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2024

«Патусан»

1

Когда проводишь во власти моря столько времени, сколько я, душа забывает, что такое отдых. Для моряка умение реагировать на малейшие изменения среды, будь то внутреннее – в конструкции и мореходности судна – или внешние – в состоянии океана и неба, – решает все. От скорости твоей реакции зависят жизни. И долг капитана – внимательно прислушиваться к каждому скрипу переборки, стуку корпуса, изменению в ритме работы двигателей, к завыванию ветра.

Даже когда я свободен от вахты и сплю на своей узкой койке, моя душа начеку. Поэтому в ту декабрьскую ночь я сел в постели еще прежде, чем мой первый помощник прекратил стучать в дверь каюты, и к тому времени, как он вошел и отдал честь, я уже спустил босые ступни на холодный линолеум.

– Простите за беспокойство, капитан.

Он пошире расставил ноги, чтобы противостоять качке. Снаружи дул крепкий ветер, предвестник раннего наступления сезона муссонов, – глобальное потепление нарушило природный календарь.

– В чем дело, Юсуф?

– Сэр, замечены сигнальные ракеты.

– Ракеты? – Мы находились посреди Индийского океана, в тысяче морских миль от любой суши – Африки, Шри-Ланки, Суматры – и еще дальше от нашего порта приписки. Поблизости не было никаких морских путей, и ни один рыбак не рискнул бы отойти так далеко от берега. – Ты уверен?

– Да, сэр.

Я полез в рундук за свежей рубашкой. Натянул форменные брюки.

– Сколько?

– Две. Обе – красные парашюты. Первую Умар увидел, когда она уже падала. Мы подождали две минуты, потом взлетела вторая.

Промежуток в две минуты между первой и второй. Красные парашюты. Все по правилам. Я надел ботинки.

– АИС¹ показывает какие-то суда?

– Нет, сэр. Но радар засек что-то в семи морских милях к востоку-юго-востоку. Мы думали, это просто дождевая тень.

Я вернулся с Юсуфом на мостик. После полумрака в коридоре верхний свет резал глаза, из чьего-то телефона грохотал рэп. Воздух был пропитан специями и маслом, и запах вел к обертке от запрещенной самосы² возле мусорного вед-

¹ АИС (Автоматическая идентификационная система) – система в судоходстве, служащая для идентификации судов, их габаритов, курса и других данных с помощью радиоволн диапазона УКВ. – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

² Самосы – жареные или печеные пирожки.

ра.

Мичман Умар склонился над радаром, изучая экран, на котором светились зеленые кольца дальности, вьевшиеся в черноту. Тучи и нарастающие волны создавали посторонние эхо-сигналы, появляющиеся, исчезающие и меняющие форму с каждым оборотом антенны. Стеклоочистители были установлены на максимальную скорость, и ветровое стекло за их дугами помутнело от соли. Дальше чернела тьма.

Я снова повернулся к экрану радара.

– Где объект?

– Вот, – ответил Умар, опустив «сэр».

Я подозревал, что рэп – его проделка; многие из моих людей были просто мальчишками из кампонга³, деревенскими пареньками. Умар постучал по экрану на пять часов. Я вгляделся в изображение, пытаюсь различить среди пляшущих пикселей какие-то постоянные очертания, которые подтвердили бы присутствие лодки.

Рэпер все надрывался.

Никто не учится, ключ поворачивается, кайф притупляется, первый раз не получается.

Музыка на вахте была под запретом. На борту я всегда отключал личный телефон и прятал в рундук. Кроме того, даже когда мы находились в зоне сигнала, не было никого, кто мог бы мне позвонить.

Я моргнул.

³ Кампонг – малайское селение.

– Мичман Мухаммед Умар бин Райян. Выключите это!

– Есть, капитан. – Умар бросился к электронной панели, где заряжался его телефон.

Он не расставался с ним ни на миг, постоянно протирал стекло, проверял, надежно ли он защищен чехлом.

После того как он выключил музыку, наступило мгновение блаженной тишины. А затем я услышал это. Вызов по радиосвязи.

– ...дэй, мэйдэй... оче...

– Умар! УКВ.

Он уже тянулся одной рукой к микрофону, а другой выкручивал громкость трансивера. Мостик заполнили помехи, хлынувшие в уши, как рев воды, который, вероятно, слышат утопающие.

В эфир снова пробился радиосигнал.

– Мэй... дэй, мэй... эй. (Все замерли.)...та «Санта-Мария», парусная я... ария, парусная яхта «Сант... Ма... ия».

– Это женщина, – сказал Умар.

Я раздраженно посмотрел на него, напрягая слух. Она действительно сказала «Мария»?

– ...буется срочная медицинская пом... – сказала женщина по-английски.

Я забрал у Умара микрофон и также по-английски заговорил:

– «Санта-Мария», это патрульный корабль «Патусан» Королевских морских сил Малайзии, прием.

Раздался треск помех, и я усомнился, прошла ли моя передача. Я подождал, держа палец над кнопкой вызова. Умар и Юсуф не сводили глаз с меня, я – с экрана радара.

– О боже. – Она шумно выдохнула в свой микрофон. Агент у нее был британский. – Я думала, вы мираж. – Она издала какой-то звук, не то засмеялась, не то всхлипнула. – Я радировала несколько дней. Потом увидела вас на экране. Это «Санта-Мария». То есть мэйдэй⁴, то есть прием.

– Мэм, – заговорил я, стараясь произносить слова как можно четче, – насколько я понимаю, вам требуется помощь. Мне нужно знать местонахождение вашего судна и характер бедствия.

Когда она диктовала свои широту и долготу, связь улучшилась. Умар записал координаты и кивнул, подтверждая, что они соответствуют точке на радаре. Юсуф изменил наш курс.

– Пожалуйста, приплывите, – сказала она, и ее голос сорвался. – Мой муж. Он тяжело ранен. Очень тяжело.

– Ваше судно, мэм. Оно вышло из строя?

– Нет, но он ранен. Ему нужен врач. Пожалуйста, поторопитесь.

– Мы уже в пути, мэм, – сказал я. – Наше РВП...⁵

⁴ Мэйдэй (*Mayday*, англ.) – международный сигнал бедствия при голосовой связи, аналогичный сигналу SOS в радиотелеграфной связи, используется в ситуациях непосредственной угрозы для жизни людей. Сигнал передается три раза подряд.

⁵ Расчетное время прибытия.

- Двадцать восемь минут, – сказал Юсуф по-малайски.
- Двадцать восемь минут, – передал я по-английски.
- О боже.

Дрожь в ее голосе заставила меня потянуться через плечо Юсуфа и толкнуть дроссели вперед. В иллюминаторы ударила вода. Разогнать корабль быстрее при таком волнении моря я не мог.

– Мэм, – сказал я, нажав на вызов. – Что произошло? С вашей лодкой? С вашим мужем? – Только тихое шипение белого шума. Я снова нажал кнопку. – Мэм? Вы можете рассказать, что произошло? С «Санта-Марией»? – Я отпустил палец, прислушался. Опять ничего. Что это, нежелание отвечать? Или всего лишь неустойчивая радиосвязь? Возможно, она отошла от передатчика, чтобы позаботиться о муже.

Нажимаю на кнопку.

– Мэм. – Мой голос наполнился профессионализмом, в последние годы умение отстраняться от личных эмоций оказалось для меня благословением. – Мы плывем к вам.

Отпускаю.

Впрочем, возможно, более подходящим словом было бы «преимущество», поскольку в благословения я больше не верил.

Нажимаю.

– Мои офицеры обучены оказанию первой помощи.

Отпускаю.

Я хотел – должен был – удерживать ее на связи.

Нажимаю.

– Мэм, как вас зовут?

Потрескивание.

– Виржини.

– Виржини. Я капитан Даниал Тенгку.

– Помогите нам. – Теперь она определенно плакала.

Часто, когда я думаю о своей жене, мне хочется, чтобы кто-нибудь был с ней в то ужасное время. Она наверняка была так напугана. По крайней мере, я могу сделать что-то для этой женщины, постараюсь помочь ей.

– Виржини. Послушайте меня. Мы постараемся подойти к вашему судну по возможности быстро. Осталось, – я сверился с часами на приборной панели, – двадцать шесть минут.

Молчание.

– Вы меня слышите?

– Да.

– Хорошо.

Я выждал тридцать секунд.

– Виржини, вы здесь?

– Да, – сразу ответила она.

– Теперь наше РВП чуть больше двадцати пяти минут.

Пока мы на всех парах приближались к «Санта-Марии», я вызывал Виржини каждые тридцать секунд, всякий раз обращаясь к ней по имени, чтобы успокоить ее, показать, что она больше не одна, создать между нами связь, доверие. Десять, двадцать, пятьдесят, пятьдесят два раза. Пятьдесят два – ко-

личество недель в году, карт в колоде и жителей Пинанга, погибших в тот роковой день.

– Виржини, вы здесь?

– Да.

Наконец гул двигателей сделался тише: Юсуф снизил скорость. «Патусан» зарыскал на волнах. Я схватил фонарик и распахнул дверь на палубу. Было скользко, и, вода лучом по бурлящему черному океану, нужно было держаться за поручень.

Ничего.

Потом – *бах!* – густая ночь взорвалась, небо стало белым, как днем, и справа по носу, на фоне туч, застилающих звезды, обрисовался призрачный силуэт яхты, паруса и снасти мерцали во всполохах затухающей ракеты.

«Санта-Мария».

Мария – имя моей жены.

В этот момент я сделал то, чего не делал много лет. Я перекрестился.

Вспомогательный тендер трясся и подскакивал по открытой воде. Умар, как и подобает умелому рулевому, поворачивал катер бортом к волнам, чтобы смягчить удары, но расстояние до яхты сокращалось медленно, и мы вскоре промокли насквозь.

Я оставил «Патусан» на Юсуфа и взял с собой Умара, а также корабельного медика Хазика. Ориентиром нам служило палубное освещение «Санта-Марии». С этого ракурса я увидел, что это парусный катамаран. И на том спасибо – при таком волнении моря проще высадиться на низкий борт. Набежавшая волна высотой с дом подхватила нас – сначала корму, а затем мидель⁶ и нос, – на мгновение перекрыв обзор, и мы понеслись вперед, увлекаемые силой океана.

Умар хорошо рассчитал время подхода к «Санта-Марии», Хазик перепрыгнул на ее борт и бросил швартов.

– Оставайся в тендере, – приказал я Умару. – Не хочу рисковать, швартов может соскочить при такой волне.

– Слушаюсь, сэр.

– И сам держись крепче.

Я передал Хазика его бортовую аптечку и вылез. Я не знал, в каком состоянии находится яхта, но двигатели у меня под ногами ровно рокотали, и я убедился, что электри-

⁶ Мидель – средняя линия судна между кормой и носом.

чество в порядке, судно не вышло из строя и не дрейфует. Паруса были свернуты и закреплены. Пригнувшись, чтобы сохранить равновесие, мы взбежали по короткой лестнице и оказались в задней части просторного, ярко освещенного кокпита с тиковым настилом. На полу между сиденьем рулевого и обеденным столом темнели брызги и пятна. Кровь. Я подал знак Хазику – заходим.

Сразу за стеклянными дверями, спиной к нам, скрючившись сидела Виржини. Между горизонтальными полосками ее бикини отчетливо проступали позвонки. Когда мы вошли, она обернулась – под ввалившимися глазами глубокие тени; ноги, туловище и руки до самых локтей в красно-бурых разводах. Рядом лежал без сознания голый, не считая шорт, белый мужчина. Кровь темными потеками запеклась на его лице и шее, скопилась над ключицей. Голова была забинтована. На полу валялись задубевшие от крови тряпки.

Хазик проверил его пульс:

– Жив.

Виржини непонимающе посмотрела на меня, и я перевел ей сказанное.

– Все нормально. Это мой медик. Он поможет вашему мужу. Что случилось?

– Джейк, – произнесла она и задрожала. – Его зовут Джейк.

Я не стал настаивать на ответе. Объяснения подождут.

– Виржини, на борту есть кто-то еще? – Я оглядел салон.

Сброшенные на пол подушки были уложены в подобие импровизированной кровати, УКВ-микрофон на навигационной станции висел на проводе, точно черное сердце. Все остальное с виду было в порядке.

Она покачала головой.

– Только вы двое?

Кивок.

Я спросил мнения Хазика, и он сказал, что мужчина потерял много крови и необходимо перевезти его на «Патусан», где условия получше. Кроме того, так мы сможем гораздо быстрее доставить его в больницу. Я прикинул в уме – при полной скорости до Порт-Брауна дня четыре пути.

– Протянет ли он столько? – все так же по-малайски спросил я Хазика.

Он взгляделся в лицо мужчины.

– Возможно.

Виржини все еще сидела на корточках рядом с мужем. Я объяснил, что мы возьмем их на наш корабль.

– Это значит, что вашу яхту придется оставить, – сказал я. – Понимаете?

Она посмотрела на меня пустыми глазами.

– Ваша лодка, «Санта-Мария». Мы не можем отбуксировать ее так далеко. Нам придется ее бросить.

Каково ей будет покинуть яхту? Возможно, «Санта-Мария» – ее единственное жилье. Многие западные люди так поступают: продают свои дома по цене целой деревни и пе-

реселяются на лодки. Эта явно стоила больших денег.

– Виржини. Вы поняли, что я сказал насчет вашей лодки?

– Это не моя лодка.

Значит, его. Не время вдаваться в семантику.

– Хотите взять с собой на «Патусан» какие-нибудь вещи?

(Если раньше она дрожала, то теперь ее затрясло всем телом.) Может, что-то из одежды?

Она посмотрела на мужа и покачала головой.

– Ваши паспорта?

– Их здесь нет. Здесь у нас ничего нет.

Возможно, она тоже перенесла какую-то травму головы?

– Должна же у вас на борту быть какая-то одежда, – настойчиво сказал я.

Она снова покачала головой. Я оставил ее. В правом корпусе находилась мастер-каюта. В рундуке я нашел мужскую и женскую одежду. Я схватил несколько платьев, непромокаемую куртку и вернулся в салон.

– Вот. – Я накинул штормовку ей на плечи. Когда я убрал руки, ее шея покрылась мурашками. – Вам это пригодится для поездки в тендере.

Она плотно стянула воротник. Я подошел к штурманскому столу и поднял крышку. В пластиковой папке лежали судовые бумаги и несколько паспортов. Я сунул все документы в пустой мешок для спасательного жилета, запихнул туда платья и завернул верх мешка. «Патусан» предстояло удерживать на месте, пока Хазик не стабилизирует ее мужа. Оста-

валось надеяться, что к тому времени мысли Виржини прояснятся и перед отплытием мы сможем помочь ей собрать больше вещей.

– Готов? – спросил я Хазика, когда тот надел на Джейка шейный бандаж и перевязал ему голову.

Он жестами показал Виржини, чтобы прижимала бандаж, пока он не принесет из тендера носилки.

Переправлять раненых с корабля на корабль всегда непросто, тем более при волнении на океане и в глубокой темноте. Пока мы погружали Джейка в тендер и укладывали его на настил, возвращались к «Патусану» и переносили раненого на наше судно, Виржини не сводила с него глаз. Каким-то образом ей удавалось игнорировать океан, который вздымался, ревел и пенился вокруг, полностью сосредоточившись на муже, она сжимала его пальцы и что-то ему шептала. Позже я в этом усомнился, но тогда, помнится, подумал: вот она, настоящая любовь. Так смотрела на меня Мария.

Когда мы все выбрались из тендера, Юсуф, спустившийся с мостика, чтобы помочь, взялся за конец носилок, Хазик подхватил другой, и они понесли раненого по коридору. Только тогда она повернулась ко мне. Ее лицо блестело от соленой воды, воротник все еще был прижат к горлу.

– Идите к нему, – сказал я. – Все в порядке. Теперь он в безопасности.

Благодарный взгляд, который она бросила на меня, на ходу скидывая куртку, прежде чем сойти в недра судна, длился

всего долю секунды, но этого хватило, чтобы меня захлестнуло чувство одиночества.

– Теперь вы в безопасности, – повторил я в пустоту.

3

Занимаясь дополнительной бумажной работой, порожденной этим неожиданным поворотом событий, я ощущал за плечом тень Марии. Призраки моих погибших детей проникли на мостик солоноватым запахом озона. Обычно я мог приказать призракам, чтобы оставили меня в покое, но в то утро они были настойчивы, и хотя я изо всех сил пытался не замечать их, работал я медленнее обычного. Поэтому прошло немало времени после того, как в небе забрезжил серый рассвет, прежде чем я снова увидел Виржини.

Кок накрыл завтрак в кают-компании. Я наполнил две кружки еще горячим кофе, захватил пару роти⁷ и направился в лазарет, где Хазик устроил пациента. Виржини сжимала ладонь мужа, который так и не пришел в сознание, через металлическое ограждение. Она все еще была в бикини.

Хазик поймал мой взгляд.

– Отказывается надевать одежду, которую вы привезли, – пояснил он.

Я поставил кофе, положил сверток с лепешками.

– Медицинский костюм?

Он указал на шкафчик. На двух его полках хранились медикаменты, на третьей – медицинская одежда в целлофановой упаковке. Я вскрыл одну упаковку и вытряхнул сложен-

⁷ Роти – индийские лепешки.

ную зеленую футболку.

– Вот, – сказал я Виржини.

Она молча взяла футболку и натянула через голову. Футболка оказалась ей не по росту и напоминала верх от баджу-мелаю⁸. У меня сжалось сердце. Иногда после того, как мы занимались любовью днем, Мария поднимала с пола мою рубашку, заворачивалась в нее и садилась на край кровати – руки скрыты под тканью, ноги обнажены.

– Как пациент? – спросил я Хазика.

Он забрал у меня целлофановую упаковку, скомкал ее и бросил в мусорное ведро.

– Пока что стабилен. Само собой, здесь мы не можем сделать рентген, но при условии, что у него не начнутся судороги и нет внутреннего кровотечения, он должен продержаться до нашего возвращения в Порт-Браун.

– А что с женой? Ее ты осмотрел?

Она не обращала на нас внимания, сосредоточенно наблюдая за мужем.

– Никаких признаков травм. Я обследовал ее на предмет сотрясения, но, похоже, она в порядке. У нее сильное обезвоживание, и ей не помешает хорошенько отъесться. Судя по всему, она недоедала.

– Раз сотрясения нет, значит, ей сейчас можно есть?

– Конечно.

⁸ Баджу-мелаю – традиционный костюм малазийских мужчин, состоящий из удлиненной рубашки, свободных брюк и саронга.

Я поднял кружку, машинально приноравливаясь к движению «Патусана», чтобы не расплескать кофе. За без малого сорок лет в море это стало второй натурой.

– Держите, – сказал я Виржини, перейдя с малайского на английский, – вам нужно что-нибудь попить.

Она не ответила, тогда я позвал ее по имени и постучал кружкой по ограждению. Звон вывел ее из транса. Она устала на кружку, и у меня снова, как и на «Санта-Марии», возникло подозрение, что мы имеем дело с какой-то травматической реакцией. Мне нужно было выяснить, что случилось с ней и Джейком. Я был обязан подать подробный рапорт сначала начальству, а затем и соответствующим органам, особенно если раненый умрет. Рапорты, запросы, дознания – всем этим я был сыт по горло. Но это подождет, мой первый долг – забота о людях.

Я снова протянул ей кружку, и на этот раз Виржини взяла ее. Пальцы были темными от солнца, темнее моих собственных, а ногти – нежно-розовыми. Через мгновение она отняла ладонь от руки Джейка, чтобы обхватить кружку двумя руками. Ссутулив напряженные плечи, она принялась пить кофе. Отхлебнула, а затем наклонила кружку и осушила до дна. В тот момент это показалось мелочью, но позже, когда она рассказала мне свою историю и я лучше все понял, я вспомнил, как она это проделала, и задумался, насколько сильны в нас первобытные инстинкты – потребность в еде, воде, убежище, защита тех, кого мы любим.

Я положил на постель круглые лепешки, завернутые в воощеную бумагу.

– Вот. *Makan*.

Когда я бывал дома в увольнительной, так говорила Мария, ставя передо мной тарелку с наси-лемаком⁹ или супом вонтон¹⁰; капитанша нашего дома отдавала мужу тот же приказ, что и нашим детям: *Makan*. Ешь.

Виржини отщипнула краюшку и нерешительно пожевала. Поначалу ей было трудно глотать, тело содрогнулось, но потом она взяла роти обеими руками, откусила большой кусок и, еще как следует не прожевав, снова впилась в лепешку зубами. Обе роти исчезли в мгновение ока.

– Простите, – сказала она, вытирая ладонью рот от масляных крошек.

Хазик протянул ей бумажное полотенце.

– Вам не за что извиняться, – ответил я. – Хорошо, что вы едите и пьете. Но теперь вам, пожалуй, нужно выспаться.

Я уступил ей свою каюту – единственная женщина на борту, она не могла делить спальное помещение с членами экипажа. Сам я собирался посменно с Юсуфом спать на его койке, пока не прибудем в Порт-Браун. Она не хотела оставлять мужа, но я перевел ей то, что сказал о его состоянии Хазик.

– Виржини, вы должны быть сильной ради него, а для это-

⁹ Наси-лемак – рис, отваренный в кокосовом молоке и листьях пандана, подается с острым соусом самбал.

¹⁰ Вонтон – бульон с лапшой и пельменями.

го вам необходим отдых. – Я видел, что долго уговаривать не придется, она падала от усталости.

Я отвел ее к себе в каюту. Когда она провожала меня до двери, глаза у нее уже закрывались. Замок щелкнул у меня за спиной, и я поспешил вернуться к работе, преследуемый по пятам моей семьей.

Я дал ей поспать шесть часов. За это время океан успокоился и покачивал нас мирно, как мать, баюкающая младенца. Я никогда не доверял спокойному морю: когда стихия разворачивается в полную мощь, хотя бы знаешь, с чем имеешь дело, и не окажешься застигнутым врасплох.

«Патусан» не трогался с места, дожидаясь разрешения к отплытию в Порт-Браун. Мне хотелось получить ответы хотя бы на некоторые из моих вопросов, прежде чем мы бросим «Санта-Марию», поэтому я отнес Виржини обед в каюту. Она расправилась с ним с той же жадностью, что и с лепешками. Две бутылки воды, которые я оставил возле койки, также были пусты.

Полулежа на моей койке и накрыв колени простыней, она нянчила в руках принесенную мной чашку чая. Я, выпрямив спину, сидел на стуле, который придвинул к постели достаточно близко, чтобы приступить к разговору, но не настолько, чтобы испытывать неловкость.

– Военный корабль, – произнесла она. – Они говорили нам, что есть какой-то военный корабль, но он не придет. Я два дня пыталась связаться с кем-нибудь по радиосвязи. А потом появились вы.

– Они? – переспросил я. – Кто такие *они*?

В дверь постучали. Дождавшись моего разрешения, во-

шел Умар.

– Сэр. – Меня удивила его почтительность и то, что он отдал честь, – обычно Умар пренебрегал такими формальностями. Виржини он коротко кивнул. – Вы это велели принести, капитан? – спросил он по-английски и протянул мне УКВ-рацию.

– Мичман, – отозвался я, и это тоже показалось неестественным. Мы не привыкли к присутствию посторонних. Я перешел на малайский: – Как будет время, найди радиолокационный отражатель и установи его на катамаране. Возьми с собой Ямата. (Ямат был моим механиком.) Пусть подождет тебя в тендере. – Я приказал бы ему затопить яхту, но она стоила целое состояние и не имела никаких повреждений, а я не хотел ввязываться в разборки со страховщиками. – Заодно проверь, транслирует ли на лодке АИС. Ночью система не обнаруживалась. Не выключай ее. Оставь один двигатель включенным, но на нейтрали, чтобы аккумулятор как можно дольше не садился. Мало ли куда отнесет «Санта-Марию», когда мы ее бросим. Только риска, что с ней столкнется какой-нибудь корабль, мне и не хватало.

– Сейчас, сэр?

– Необязательно. Но до заката. Радируй мне, когда будешь на месте.

– Слушаюсь, сэр. – Он двинулся к выходу.

– И вот еще что, Умар, – добавил я, – захвати для них там какой-нибудь одежды и осмотри напоследок яхту, чтобы не

задерживаться, когда получим разрешение.

Он закрыл за собой дверь.

Когда мы остались наедине, я начал по новой:

– Кто рассказал вам о нашем патрульном корабле? И где вы находились?

Она опустила взгляд.

Что бы мы с женой ни обсуждали – учебу Адама, события в кампонге, наши планы на будущее, – мне приходилось ждать, пока она поразмыслит над своим ответом. Мария задумчиво склоняла голову, и в конце концов меня вознаграждал блестящий взгляд ее турмалиновых глаз.

– Остальные, – ответила Виржини. – Это они рассказали нам о военном корабле. Остальные на Амаранте.

Значит, она побывала на Амаранте. В последнее время туда мало кто добирается, но некоторые из этих иностранцев так упорны. Говоря «иностранцы», я имею в виду западных людей, потому что почти все они – приезжие с Запада, думающие, что острова вроде Амаранте – это рай, а полоска золотого песка – та самая утопия, которую они искали и которая исцелит все раны. Пожалуй, для заживления чьих-то поверхностных ран и впрямь хватает толики солнечного света и глотка соленого воздуха. Но раны других слишком глубоки. А третьих эти пляжи и прибрежные воды приводят к гибели, а не к перерождению.

Я хотел сказать все это ей, но вместо этого рассказал, что раньше мы патрулировали Амаранте несколько раз в год, но,

поскольку остров очень далеко, а с ресурсами сейчас туго, центральное командование изменило наши обязанности.

Виржини продолжала смотреть на свои колени, ссутулившись, втянув голову в плечи, словно заняв оборону, и я не знал, как к ней подступиться.

– Вы с Джейком проводили на Амаранте отпуск? – попытал удачи я.

Она моргнула.

– Вроде того.

– А потом с ним произошел несчастный случай?

Молчание. Она разглаживала складки простыни, снова и снова расправляя ткань в одном и том же месте, как будто могла разгладить морские волны.

Мария говорила, что лучший способ успокоить бурные воды – это полить их маслом, но в тот день ей не помог бы никакой чудодейственный бальзам.

Я собрался с мыслями. За несколько коротких разговоров с этой белой женщиной я так и не выяснил, каким образом ранило Джейка и что так сильно потрясло ее саму. Пора разобраться, что к чему.

– Виржини, что произошло?

Она допила чай, хотя к тому времени он, вероятно, совсем остыл. Ставя пустую чашку на полку рядом с моей койкой, она задела стоявшую там фотографию, и молитвенные четки, висевшие на рамке, со стуком упали. Она подняла их – крестик угнездился в ладони, нитка с бусинами свесилась

с запястья – и наклонила голову, чтобы их рассмотреть. Ее рыжеватые волосы, подстриженные коротко, как у мужчины, были чудовищно спутаны.

– Вы католик? – спросила она.

– Меня воспитывали в католической вере.

– У вас очень хороший английский.

– Я ходил в англоязычную школу. Мать моего отца была британкой. А вы? Где вы выросли?

– В основном в Англии. И во Франции. – Ее внимание вернулось к четкам Марии. – У моей двоюродной бабушки были такие же. – Она зажала одну из бусин между большим и указательным пальцами. – Я думала, вы мусульманин.

– В Малайзии не так уж мало католиков. За это мы должны благодарить вас.

– Меня? – Затем на ее лице отразилось понимание. – А. Вы имеете в виду колонизаторов. – Она взяла обмотанной четками рукой фотографию. По сей день чувствую, как мои губы сжались в жесткую линию. – Мило, – сказала она. – Ваша жена и дети? Сколько им?

Я замялся. Никто из экипажа никогда не расспрашивал меня о моей семье.

– Адаму, моему сыну, тогда было семь. Фаре – пять. – Она не спрашивала о возрасте Марии, но я все равно его назвал. – А моей жене – тридцать один.

– Тридцать один, – повторила она, и я понял, что ее броня треснула. – Столько же, сколько мне. Когда это снимали?

– В две тысячи четвертом. В День независимости у нас дома, в Пинанге. – Дети нарядились в красно-белые костюмчики, которые Мария вырезала и сшила для них из «полос славы»¹¹. В их руках развевались пластиковые флажки. – За четыре месяца до...

Должно быть, она заметила, что я осекся, но не стала настаивать, чтобы я продолжил.

– Вы живете в Пинанге? – спросила она вместо этого.

– Да.

– Ваш сын хочет пойти по вашим стопам во флот? Или даже ваша дочь?

Мощное течение потащило меня прочь с курса. Чтобы за что-то ухватиться, я потянулся к мешку у своих ног, который забрал с «Санта-Марии». Пластиковые застежки шелкнули, когда я открыл их, водонепроницаемый пластик скрипнул, когда я размотал горловину. Сверху лежала собранная мной одежда, под ней – паспорта и бумаги. Я достал все это и вывалил себе на колени. На Виржини все еще была медицинская футболка из лазарета. Возможно, теперь, когда она отдохнула и привела в порядок мысли, ей будет удобнее в собственных вещах. Не исключено, что это даже поможет ей разговориться.

Я развернул одно из платьев – необычный наряд для военного судна, зато, в отличие от футболки, хоть немного прикроет ей ноги. Я протянул платье Виржини:

¹¹ Неофициальное название флага Малайзии.

– Возьмите. Я привез его с вашей лодки.

Она снова насторожилась.

– Капитан Тенгу, я уже сказала вам, что «Санта-Мария» не моя лодка.

– Значит, вашего мужа.

– И не его тоже.

– То есть вы ее угнали?

Я сказал это в шутку, чтобы Виржини немного расслабилась, но она отшатнулась. Фотография все еще была у нее в руках, и она потерла пальцем пятнышко на серебряной рамке.

– Джейк был в воде.

За моей спиной встали Мария, Адам и Фара.

– Где? На Амаранте?

Она кивнула, стиснув рамку.

– И он ударился головой?

Снова кивок. Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки.

– Как?

– Точно не знаю.

– О корпус? О руль?

Молчание.

– О скалы?

На ее скулах заиграли желваки.

– Кажется, о гребной винт.

Если это был гребной винт, ему невероятно повезло, что он остался жив. И ему следовало быть осторожнее. А я-то

принял их за профессионалов, но я своими глазами видел, как она запускала ракеты и в одиночку управлялась с парусами, и полагал, что если они отошли так далеко от большой земли, до самого Амаранте, то ее муж тоже кое-что смыслит в морском деле. Как же его угораздило купаться рядом с винтом? Что-то тут нечисто.

– Послушайте, вы должны кое-что понять. Джейк ненавидит воду. Больше того... он ее боится. Но он нырнул. Ради меня.

Мария не умела плавать. Но мы поговорили об этом и согласились, что Адаму и Фаре надо научиться. Для этого она и отвела их на Пантай Пасир Панджанг – чтобы увидели море с безопасного пляжа, чтобы к нему привыкли.

Я снова переключился в рабочий режим. Рассказ Виржини звучал довольно неубедительно.

– Так вы утверждаете, что ваш муж, который боится воды, зачем-то прыгнул ради вас за борт рядом с крутящимся винтом?

– Он не прыгал.

– Упал?

Она покачала головой, снова непроницаемая.

– Споткнулся?

То же движение головой.

– Его толкнули?

На этот раз ее голова не шевельнулась. Я расценил это как «да».

– Кто? Кто его толкнул, Виржини? – Может быть, она сама? Не поэтому ли она ведет себя так странно – совсем не из-за травмы, а из-за чувства вины? – Вы?

– Нет!

– А кто?

– Витор.

– Кто такой Витор? Член вашей команды? – Катамаран был достаточно большим, на таком нужен экипаж из пары человек.

– Они дрались. Джейк хотел воду, а Витор ему не давал.

– Разве вы не сказали, что Джейк боится воды?

– Не той воды, другой. Ох, я рассказываю неправильно. –

Она швырнула рамку на постель и закрыла лицо руками, тяжело дыша в ладони. Я поднял фотографию – к счастью, стекло не треснуло – и поставил ее на место.

– Мне нужно... – Она резко вскочила с койки. – Где галлюн?

Отведя взгляд от ее голых ног, я указал на закрытую дверь санузла. Она скользнула внутрь и заперлась. Я услышал, как из крана полилась вода.

Я положил платье и прочую одежду на пол и занялся документами – паспортами и судовыми бумагами. Паспортов было четыре. Первым я открыл бразильский, на имя Витора Сантоса. С фотографии смотрел белый темноволосый мужчина, загорелый, с квадратным подбородком. Согласно дате рождения, Сантосу было сорок два – староват для матроса.

Возможно, я переоценил навыки Виржини и Джейка, и этот Витор был их шкипером. На черной обложке второго паспорта золотом было вытиснено *República de Moçambique*¹². На снимке – не Виржини, а некая Тереза Маботе, чернокожая женщина с длинными, плотно облегающими голову африканскими косичками. Их уборщица-повариха? Третий паспорт, португальский, принадлежал белому мужчине. Жуан да Сильва. Фотография была нечеткой, но смахивала на снимок из первого паспорта. Даты рождения совпадали. Четвертый, снова мозамбикский, был выдан тому же человеку на имя Виченте де Суза. Дата рождения та же. Паспорта Виржини и Джейка отсутствовали.

Кран в санузле со скрипом выключился. Я достал из папки судовые бумаги и развернул их. «Санта-Мария» была зарегистрирована в Сан-Себастьяне, Бразилия, на имя Витора Сантоса. Я пролистал остальные документы, проверяя, не меняла ли яхта владельцев. Но ничего. Все сходилось.

Она же сказала: *Лодка не моя.*

Дверь открылась. Волосы у Виржини были влажными, лицо на удивление спокойным для человека, который пару минут назад казался не в себе. Края паспортных обложек врезались мне в пальцы. Кто эта женщина и что она натворила?

– Я начну сначала, – сказала она. – Так вам будет понятнее...

Я протянул ей судовые документы и первый паспорт, от-

¹² Республика Мозамбик (*порт.*).

крытый на странице с фотографией.

– Виржини, кто такой Витор Сантос? Почему у вас его лодка? Кто такая Тереза Маботе? И где они сейчас?

Она тяжело опустилась на койку. Губы двигались, но она не издала ни звука, только сосредоточенно смотрела на паспорт.

– Виржини, что происходит?

Она сунула руки под бедра.

– Виржини, ответьте мне. Кто этот человек и где он? Вы что-то с ним сделали?

Она принялась раскачиваться взад-вперед, все так же шевеля губами. Шепот, поначалу слишком тихий, перерос в бормотание. Она повторяла одну и ту же фразу в такт своим движениям, будто, раскачиваясь, выталкивала слова из себя. Я смог разобрать, что она бормочет. Этот миг был подобен отливу перед цунами, той пугающей паузе, когда вода отступает и все на краткое мгновение становится неподвижным, спокойным и безмолвным, а потом обрушивается разрушительная сила.

– Это все моя вина. Я убила их. Убила! Это все моя вина.

Амаранте

5

Самолет накренился, и Виржини отложила книгу и выглянула в иллюминатор. Они все еще летели над морем. Как же она любила этот кобальтовый оттенок глубокой воды – один только взгляд на эту красоту наполняет энергией, жизнью, надеждой. В соседнем кресле дремал Джейк, и она чуть не разбудила его, чтобы и он полюбовался видом, но затем посмотрела на часы. Пусть отдыхает. Совсем скоро они все это увидят вблизи.

Она отстегнула ремень безопасности, подалась вперед, стараясь разглядеть сушу. Высота и скорость самолета производили странный эффект – волны внизу будто застыли во времени и пространстве. Она заметила крошечную яхту. Оба паруса подняты, корпус кренится, так что яхта, вероятно, двигалась, но, как и волны, казалась пригвожденной к одной точке. Она подумала о людях на борту – наверное, тоже отправились в морское путешествие, как и они с Джейком. Интересно, похожи ли их мечты на ее? Ищут ли они новое начало в жизни? Она прижала палец к иллюминатору. Снаружи на стекле поблескивали кристаллики льда.

Незадолго до того, как они начали снижаться, Джейк

проснулся, сонно заморгал.

– Долго я был в отключке?

– Пару часов. Мы почти на месте.

Широкая улыбка, которую он ей подарил, была отражением ее собственных чувств.

Они вышли из искусственной атмосферы салона и начали спускаться по трапу, жаркий воздух окутал их будоражащими экзотическими запахами: дым, плавящийся гудрон, растительная пряность тропической земли, все это так непохоже на английский воздух. Она остановилась и вдохнула поглубже. Будет ли и все остальное здесь настолько же другим? Хотелось бы надеяться.

Она сошла с последней металлической ступеньки и ступила на посадочную полосу. Впереди ряд бутылочных пальм с шелестящими на ветру листьями обрамлял вход в невысокий терминал. Несмотря на пятнадцатичасовой перелет, она ощущала удивительную бодрость. Еще час, максимум два – и они будут на месте. Она обернулась и подождала Джейка, который спускал по трапу чей-то чемодан на колесиках. Сойдя, он поставил чемодан перед пожилой женщиной, одетой в длинную узорчатую тунику и хиджаб. Женщина поблагодарила улыбкой, кивнула. В этом весь Джейк – всегда думает о других.

Виржини обняла его за талию, шепнула:

– Уже присмотрел себе другую?

Он надул щеки.

– У тебя появилась опасная соперница. – Он поцеловал ее в макушку, и они вместе последовали за женщиной и другими пассажирами через перрон к терминалу.

Когда такси остановилось в гавани, день уже клонился к концу. Официанты готовили ресторан под открытым небом для вечерних посетителей – расставляли пластиковые стулья, стелили скатерти, придавливали вилками и ложками стопки тончайших розовых салфеток. Не прерывая работы, они кивнули Виржини.

Джейк выгрузил из машины багаж.

– Пойду поищу водное такси до яхты, – сказал он, добавляя к груде на тротуаре последнюю сумку. – Подождешь здесь с вещами?

– Ладно. – Она достала из кошелька ринггиты. – Вот, держи. – Купюры, которые она получила в банкомате, были фиолетовыми, красными и оранжевыми, разноцветными, как из «Монополии». – Вдруг попросят заплатить вперед.

Он положил деньги в карман, поцеловал ее в щеку и ушел.

В гавани за рестораном теснились лодки. Деревянные лонгтейлы¹³ возвращались с дневной рыбалки, нарушали покой громким тарыхтением подвесных моторов. Виржини достала телефон, чтобы сделать снимок. Красно-синяя краска бликовала на солнце. Своими почти вертикальными буш-

¹³ Лонгтейл, или длиннохвостая лодка, – распространенный в Юго-Восточной Азии тип узкой деревянной лодки.

притами эти лонгтейлы напоминали тропические версии драккаров викингов, вернувшихся после морских грабежей, или каноэ других ранних мореходов – бесстрашных полинезийцев, что пускались в плавания за сотни тысяч миль, доверяя свою судьбу ветрам и звездам. Она мысленно отметила, что нужно написать шефу в музей – на самом деле *бывшему* шефу – и посоветовать, чтобы он пополнил коллекцию экспонатами на тему малазийских лонгтейлов. Она выложила снимок в соцсеть, чтобы ее брат, сестры и их друзья увидели его и поняли, что они добрались благополучно.

На флагштоке в дальнем конце пирса развевался малазийский флаг, одновременно знакомый и странный, он выглядел точь-в-точь как «звезды и полосы»¹⁴, пока, резко хлопнув, не развернул желтый полумесяц и звезду в углу на синем фоне. Ветер принес озоновый запах океана, приправленный соляровкой и рыбной вонью сетей, сохнувших на солнце, – гораздо более резкий, чем запахи, доносившиеся от воды возле их квартиры в Англии. За пирсом стояли на якоре около двадцати парусных яхт, развернутых береговым течением в сторону суши. Она оглядела залив, но с такого расстояния было трудно различить ту, что принадлежит им и станет их домом – первым общим домом – на весь следующий год, а может, и на два, которые они проведут в плавании. Сердце у нее забило в предвкушении. Подумать только, в каких местах побывали эти суда, что видели их владельцы! Скоро

¹⁴ Неофициальное название флага США.

ей с Джейком тоже будет что рассказать. Чем не идеальное начало семейной жизни?

Солнце палило беспощадно, и она присмотрела тень, отбрасываемую широким баньяном. Инжир-душитель – так его называют. Перетащив чемоданы под его раскидистую крону, она оглядела воздушные корни, вросшие в землю в поисках воды. Удивительно, как несокрушима природа, когда может удовлетворить свои элементарные потребности: пища, вода, свет.

Багаж уже покрылся слоем пыли. В этих четырех чемоданах умещалась вся их жизнь – новая жизнь. Пришлось потрудиться, чтобы разобрать квартиру по коробкам, но, глядя, как грузовик перевозчиков, едва заметно мигая поворотником в осеннем тумане, скрылся за углом, она почувствовала, что стала легче. *Пожитки* – странное слово для таких вещей, как кастрюли и сковородки, кресла, зимние ботинки, фотографии. Оно подразумевает, что все эти предметы составляют твою жизнь и без них ты неприкаянный, почти изгой. Но вещи – и даже люди – обременяют. Кроме Джейка. Им она никогда не будет тяготиться.

Подошел пестрый кот и потерся об ее ногу. Кот был взрослый, но крохотный, чуть больше котенка, и с обрезанным хвостом. Он мяукнул, и она нагнулась, чтобы почесать его за ушами, слыша голос Тома: *блехи, зараза, негигиенично*. Она погладила его по голове, почесала под мордой. Кот пару раз ткнулся головой в ее ладонь и, потеряв интерес, отвлекся на

горстку желтого риса, рассыпанного в траве.

Она подтолкнула несколько рисинок босоножкой:

– Вот, малыш, ешь.

Ее окликнули по имени, и она подняла голову. По тротуару шел Джейк, на солнце его волосы отливали медью.

– Хорошая новость. Нашел рыбака, который нас переправит.

Они подхватили чемоданы и направились на пристань, где ждал Лонгтейл, у румпеля сидел на корточках рыбак. Джейк закинул чемоданы в лодку, Виржини залезла следом. Узкий корпус делал Лонгтейл неустойчивым, под ее весом он угрожающе накренился, так что Виржини приземлилась на банку достаточно неуклюже, совсем не так, как рассчитывала. Не очень-то грациозно. Она смущенно взглянула на рыбака, но лицо со впалыми щеками осталось невозмутимым. Как только Джейк тоже спрыгнул в лодку, рыбак дернул шнур стартера, заводя дребезжащий мотор, и направил лодку в залив.

Ветер, вызванный движением, принес благословенное облегчение, осушил капельки пота на лбу, сдул влажные волосы с шеи. Старый рыбак в шортах и мешковатой футболке – возможно, ровесник ее отца, но костлявый, тогда как папа располнел от хорошей жизни – указал на одну из яхт в самом хвосте «стаи», и Джейк кивнул. Когда они подошли ближе, Виржини узнала парусный чехол, но яхта выглядела более обветшалой, чем в последний раз, когда она ее видела, – темно-синее название, «Затерянный горизонт», выцвело до

оттенка вареной джинсы, а ватерлинию облепили мохнатые водоросли. Она мысленно встряхнулась. На самом деле все это неважно, всего лишь косметика. Не нужно заикливаться на мелочах, главное – общая картина. Стоит, как выражается Джейк, «немного попотеть», и все будет прекрасно. К тому же скоро они переименуют яхту и нанесут вместо этих выгоревших букв новое название.

Лонгтейл подошел к борту, Джейк встал и ухватился за леер, удерживая лодки вместе.

– *Pergi, pergi!*¹⁵ – крикнул рыбак, перекрывая грохот мотора, и махнул ей рукой, чтобы она перелезла на яхту.

Виржини забросила на палубу свою сумку и вскарабкалась сама. Раскаленный леер обжег колено. Джейк переместил на яхту чемоданы, перекинул одну ногу на палубу – другая еще была в воздухе, – а рыбак уже оттолкнулся и дал газу, спеша домой к началу вечерней молитвы.

Едва спустившись под палубу, она снова вспотела. Воздух здесь был угнетающе неподвижным, почти затвердевшим от многомесячной вони плесени, топлива и соленой воды, ей стало трудно дышать. Джейк открыл иллюминаторы и люк, но это мало что изменило.

– Завтра первым делом установим вентиляторы? – предложила она.

Он снял футболку. Призрачно-бледная кожа отливала белизной английской зимы.

¹⁵ Идите, идите (*индонез.*).

– Однозначно.

С тех пор как она увидела в интернете объявление о продаже яхты, прошло четыре месяца. Тридцать шесть футов, идеальный размер и планировка для двоих, – и так дешево по сравнению с тем, что запрашивали в Великобритании и Европе. Она показала Джейку, и через пару недель, после электронной переписки с владельцами, пожилой голландской парой, они нашли по акции недорогие авиабилеты и прилетели сюда, чтобы посмотреть яхту. Учитывая опыт Джейка в судостроительстве и бесчисленное количество лет, проведенных ею на борту отцовской лодки, оба были уверены, что справятся с осмотром самостоятельно. Джейк заключил, что яхта в хорошем состоянии для своего возраста, хотя и слегка потрепана, что естественно при их ограниченном бюджете. После коротких переговоров они перевели голландской паре свои сбережения.

Виржини огляделась, сравнивая то, что видела перед собой сейчас, с картинками, которые хранила в памяти последние несколько месяцев. Синие диваны-лавки в салоне, прямые, как церковные скамьи, выцвели, но в замене пока не нуждались. Она открыла деревянные шкафчики над ними, наслаждаясь легким дуновением на щеке от движения жалюзиных створок. Хорошо, что они не привезли из дома много вещей, места было в обрез, куда меньше, чем в их маленькой лондонской квартирке. Виржини вспомнила шкаф, что стоял у нее в Париже. Тот чертов антикварный гардероб Тома

был таким громадным, что занимал полспальни. И хотя он стоил дороже, чем вся эта лодка, она с радостью отдала бы его, да будь ее воля, она избавилась бы от всей этой старомодной унаследованной мебели, сорвала тяжелые портьеры и заменила все чистыми, современными предметами – комодом или тумбочкой, на которые можно без страха положить щетку для волос или поставить стакан воды. Но решать это было не ей.

Она резко захлопнула створки, словно отгораживаясь от прошлого. Стены были голыми – прежние владельцы сняли свои украшения, предоставив ей декорировать их по своему вкусу. Она представила, как развешивает сувениры, купленные в прибрежных деревнях, собирает ракушки на каждой якорной стоянке, где они побывают, рассказывающие историю их путешествий. Завтра надо купить местный батик, чтобы оживить обстановку.

Она прошла босиком по гладким полированным половикам на корму, в узкий г-образный камбуз, огибающий правый борт. Открыла холодильник с вертикальной загрузкой, заглянула в шкафчики, опробовала маленькую плиту. Все исправно. Мойка в ржавых потеках от соленой воды, подтекающей из плохо завернутого крана, но следы легко оттереть жесткой губкой. В двух шагах от камбуза каюта с двуспальной кроватью на возвышении, не такой широкой, как дома, но достаточно большой и удобной для двоих.

Так, теперь рубка. Галюн дальше, по левому борту.

Джейк в рубке стоял на коленях в кресле за штурманским столом, щелкая переключателями на приборной панели. Когда она протискивалась мимо него, яхту качнуло волной от проходящей лодки, и Виржини ухватилась за его икру, чтобы не упасть. Понадобится день-другой, чтобы обрести морские ноги.

– Кажется, аккумуляторы сдохли, – сказал Джейк. – Клянусь, в прошлый раз они работали.

Заглянув в компактный санузел, Виржини обнаружила, что голландская пара оставила все в относительной чистоте. Она вытянула душевой шланг из гнезда над раковиной и повернула кран. Только иссякающая струйка. Все бы отдала за прохладный душ, но сейчас, без электричества, о таком нечего и мечтать. В тесном закутке сразу сделалось одуряющее жарко. Вернувшись в салон, Виржини расстегнула молнию одного из чемоданов и вытащила первые попавшиеся шорты и просторную футболку. Подняла волосы с шеи, стянула их в хвост резинкой и ощутила некоторое облегчение.

Потом порылась в чемодане в поисках папки со свадебной фотографией. С собой она взяла только одну – она и Джейк, селфи у реки, их лица почти во весь кадр на фоне кучевых облаков. Она поставила снимок на полку.

– Чтоб тебя! – Джейк сдался и отошел от приборной панели.

Из раскрытого чемодана торчала бутылка шампанского, которую Виржини купила в дьюти-фри. Джейк достал ее.

На эту бутылку она спустила их дневной бюджет, но ее это не волновало. «Всего раз, – сказала она, когда они стояли под круглосуточным искусственным освещением в магазине аэропорта, пока толпы людей текли мимо, направляясь кто куда. – Это особый случай».

– Охладить не получится, – сказал Джейк. – С празднованием придется пару дней подождать.

Виржини знала и другие способы отпраздновать. Она шагнула к нему. Грудь Джейка была скользкой, а волосы на затылке – влажными под кончиками ее пальцев. Поцеловав его соленые губы, она ощутила вкус дома.

– Думаешь, для этого слишком жарко? – спросила она.

– Малыш, для этого не бывает слишком жарко. – Он бросил бутылку обратно в чемодан и запустил обе руки под ее футболку.

Той ночью они спали под открытым небом, спасаясь от невыносимой жары, свернувшись друг напротив друга на диванах кокпита. Влажность была тяжелой, как одеяло. Разбуженная рыбацкой моторкой, пересекающей гавань, Виржини потянулась к Джейку, но нашла только воздух и лишь тогда вспомнила, что они не в кровати в своей квартире. Это осознание заставило ее окончательно проснуться, и, еще немного поворочавшись, она на цыпочках вышла по мокрому от росы тикю на палубу. На самом кончике носа она ухватилась за стальной трос форштага и посмотрела на восток, ловя пер-

вые краски восхода. Высокие холмы на суше неясно темнели в предрассветной серости, но вот небо посветлело, окрасив их в сотню оттенков зеленого, и одинокий голос муэдзина призвал правоверных на молитву.

6

Почти месяц они не снимались с якорной стоянки, занимаясь починками на лодке. Времени требовала одна задача за другой, и работы, которые Джейк оценил в пару дней, затянулись до недели, двух, а затем и до четырех.

Когда заменяли аккумуляторы, устанавливали фильтры и латали паруса, прохудившиеся за годы на ветру и солнце, Виржини осознала, что как бы опытен ты ни был, тебе всегда будет чему поучиться о лодках. Она умела ходить под парусом – каникулы в плаваниях вдоль Лазурного берега на яхте, принадлежащей отцу совместно с тремя совладельцами, не прошли даром. А работа в морском музее научила ее бесконечно рассказывать о лоцманских ботах, контрабандистах южного побережья и истории соляных промыслов болотистых Гэмпширских земель, окружающих Лимингтон – родной город Джейка. Но теперь Виржини поняла, что, увлекшись романтикой, даже не задумывалась о практической стороне, об обслуживании и содержании. Тем более такой старой и бюджетной лодки, как у них.

Джейк был в своей стихии – разбирал и пересобиравал оборудование, листал замасленными пальцами инструкции. К сумеркам его кожа блестела от пота, а виски покрывались грязью. Дома он больше всего нравился ей таким – только что с верфи, в футболке, подчеркивающей сильные руки, ре-

льефные линии трицепсов.

Она никогда не переставала удивляться его способности понимать, как все работает. Впервые она наблюдала это примерно через неделю их отношений, когда на кухне квартиры, которую она снимала с двумя соседками, забастовал электрочайник. Виржини выругалась и бросила его в мойку. Пока она рылась под стойкой в поисках кастрюли, Джейк достал из кармана перочинный нож, вытащил из мойки чайник и принялся его разбирать. «Не заморачивайся, – сказала она. – Завтра куплю новый». Джейк неохотно оставил чайник в покое. Позже в тот же день, проснувшись после пары часов в постели, она застала его на кухне с отверткой в руке перед стойкой, усеянной деталями чайника. Через полчаса чайник был как новенький. Пару месяцев спустя, когда у нее сломалась машина, Джейк потратил все выходные, возясь с ней. «Тебе необязательно это делать, – сказала она тогда. – Я бы сдала ее в сервис». Он покачал ключ на кончике пальца: «Мне самому хотелось. К тому же теперь мне не придется беспокоиться, что она снова заглохнет и ты где-нибудь застрянешь. Я буду за тебя спокоен». Эта его черта – забота о вещах, о ней – казалась Виржини невероятно привлекательной.

Сегодня был последний день работ, и ей оставалось только вывести на бортах яхты новое название. Виржини не терпелось избавиться от «Затерянного горизонта» – оно звучало слишком депрессивно. Она привязала резиновую шлюп-

ку к яхте, встала и, тщательно приспособив мазки кисти к ритму волн, начала выводить название, выбранное ими в честь древних мореходов, которые первыми пустились в путешествие через океаны, и плавания, предстоящего им самим, – «Путеводная звезда».

Она закончила надпись на одном борту и закрашивала хвостик последней буквы на другом, когда в своей шлюпке подплыл Терри. Это был пожилой австралиец, с которым они иногда сталкивались в городе. Один из типичных круизёров, которых они здесь встречали, – пенсионеры с выдубленной солнцем кожей, в выцветших рубашках, променявшие сухопутную жизнь на мечты о морских приключениях, как только дети вылетели из гнезда. Многие побывали в удивительных местах, но теперь, двадцать, а то и тридцать лет спустя, не имели ни средств, ни желания вернуться к более комфортабельной жизни на берегу. Они перекочевали в Малайзию, потому что здесь могли больше позволить себе на свою пенсию.

Терри подвел свою шлюпку к шлюпке Виржини и переключился на холостой ход.

– Славная работа.

– Спасибо. – Она окунула кисть в краску, чтобы вывести изогнутую верхушку буквы.

– Это *Jotun*?

Виржини повернула банку с краской, показывая этикетку с названием другой марки.

– А вот я всегда пользуюсь *Jotun*, – сказал он. – Дороговато, но своих денег стоит.

Она неопределенно хмыкнула. Терри был безобидный, но вечно лез с непрошеными советами. В свои далеко за семьдесят он был уже не в состоянии вывести яхту в море, и судно постоянно томилось на причале в бухте. Старик жил один, дети и внуки, судя по всему, никогда его не навещали. Да и здесь, похоже, мало кто горел желанием с ним общаться. Виржини нередко замечала, что его избегают.

– Скоро отчаливаете? – спросил он.

Проходящая мимо лодка подняла волну, качнув ее шлюпку. Виржини едва успела отдернуть кисть от корпуса яхты.

– Если все будет хорошо, то на неделе.

– По-прежнему собираетесь в Таиланд?

Таиланд казался им оптимальным вариантом для первого плавания – отличная еда, много других яхт. Виржини уже достала лоцманскую карту и разложила ее на штурманском столе, готовясь к планированию маршрута.

– Верно. Мы как раз закончили.

Терри фыркнул:

– Закончили, говоришь? Чтоб ты знала, лодки постоянно требуют заботы. – Он снова рассмеялся – скорее про себя, чем вслух.

Остался последний мазок.

– Готово!

Хлопок сверху. По потопчине¹⁶ шел Джейк с бутылкой беспешлинного шампанского в одной руке и двумя термокружками в другой. Как нельзя вовремя.

– Не забудьте совершить возлияние морским богам, чтобы привлечь их на свою сторону, – сказал Терри.

Джейк вылил в воду несколько капель.

– Шипучка не из дешевых. Столько должно хватить.

Терри откозырял:

– Что ж, не буду мешать.

Виржини помахала ему, прежде чем взобраться на палубу. Джейк протянул ей кружку, и они чокнулись.

– Подожди. – Она вытащила телефон. – Подойди на секунду.

Она направила камеру так, чтобы в кадр попали шампанское и море позади них, и приблизила голову к его голове. Фотография получилась на загляденье: оба счастливые и очень загорелые – солнце здесь палило так сильно, что даже бледная кожа Джейка приобрела оттенок карамели. Перед тем как выложить фото в Сеть, она добавила хэштег: *#paradise*.

– По-моему, мы заслужили передышку, – сказал Джейк после того, как она убрала в карман телефон и они сделали по первому восхитительно холодному глотку. – Сегодня вечером никаких бобов из консервной банки. Моя прекрасная жена достойна лучшего.

¹⁶ Потопчина – часть палубы судна от борта до кокпита.

– Чего же, солонины?

– Если повезет, получишь на гарнир пару консервированных картофелин. – Он прислонился спиной к крыше каюты. – Как насчет поужинать в клубе?

Яхт-клубы не бывают такими роскошными, как обещает их название, Виржини знала это еще по Лимингтону. Местный не был исключением – кормили там просто ужасно. Но после целого дня работы под солнцем она слишком устала, чтобы готовить, да и Джейк наверняка тоже.

– Здорово. – Она поднесла к губам кружку. Верхнюю губу защекотали крошечные пузырьки с ароматом дубовой бочки и нотками яблочного пюре. – Но перед их стейком по-западному тебе придется меня напоить.

Он пошевелил бровями:

– Если это вызов, я его принимаю!

В яхт-клубе была еще горстка посетителей: трое немолодых китайцев, увлеченных беседой, и четверо моряков, набившихся за стол, ближний к розетке, от которой заряжались их ноутбуки. Она их не узнала – наверное, недавно прибыли.

Пока Джейк заказывал у стойки напитки, она заняла столик у окна. Уже час, как стемнело, и огни пристани отбрасывали на воду оранжевые полосы. Сейчас трудно было представить их прежнюю жизнь – сырые серые дни, когда нет сил вылезти из-под одеяла, нескончаемую рабочую текучку. Пробки, офисные интриги, однообразные бессмыслен-

ные передачи по телевизору. А еще раньше, до Джейка... Нет, об этом думать не хотелось, нельзя, чтобы те воспоминания, те эмоции нашли дорогу сюда, в эту радужно-яркую, кипучую страну. Лучше оставить их позади, в другом месте и времени.

На столе лежала подставка под кружку с разбухшими от влажности краями, обнажающими рыхлый картон. Она отодвинула ее. Жизнь здесь так приятна, так свободна. Они просыпаются с призывом муэдзина, делают все в своем темпе, а когда солнце скрывается за горизонтом, она смывает с себя дневной пот. Вечера посвящены еде, разговорам и, если достаточно прохладно, сексу. Все в точности как она хотела, как представляла. И теперь, когда с ремонтом покончено, жизнь станет еще лучше. Начнется настоящее удовольствие.

Виржини проверила телефон: пропущенный звонок от мамы, лайки фото с шампанским от сестер, комментарии от ее брата Филиппа – *НИ КАПЛИ не завидую!* – и от шефа – *Tres bon (voyage)*!¹⁷

Джейк вернулся, неся в обеих руках по пиву.

– Прости, что так долго. – Он сел. – Терри вцепился в меня с рассказами о каком-то острове. Мол, это рай на земле. Ну ты же его знаешь – видимо, уже набрался. – Он оглянулся на стойку. – Тревога. Объект прямо по курсу.

Терри шаркал к ним по кафельному полу. Судя по его виду, он торчал в яхт-клубе с тех самых пор, как она помахала

¹⁷ Счастливого плавания! (*фр.*)

ему на прощанье.

– Еще раз привет, Ви.

– Терри.

– Я тут рассказывал твоему мужу про мой остров.

– М-м-м, да я уж слышала.

– Думал сегодня про вас двоих. И про Таиланд. Как по мне, нечего вам там ловить.

– Неужели?

– Там нормально, но ничего особенного, ничего такого, чего нельзя получить здесь. Нынче Таиланд опопсел, навалом рюкзачников да мелкого жулья. Лодки кишмя кишат. То ли дело в восьмидесятые.

Он без приглашения выдвинул стул и уселся за их стол. Виржини подавила вздох. С планами отпраздновать можно попрощаться.

– Нет, – сказал Терри, – сдается мне, вы двое знаете, что делаете. Прямо как мы с Эйлин в свое время. Котелок у вас варит.

– Котелок! – Джейк рассмеялся.

– Котелок. – Терри медленно кивнул – то ли в подтверждение сказанного, то ли клевал носом от выпитого. – Не то что нынешняя молодежь, которой подавай гаджеты да инстаграммы.

Миллениалы были любимой темой Терри, по этому поводу он легко мог нудеть полчаса. Лучше направить его на другой курс.

– Так что там с этим островом? – спросила Виржини.

Джейк слегка толкнул ее ногой под столом: «Не поощряй его!»

– Обычно я о нем не распространяюсь, – ответил Терри, – но... – Он опрокинул в себя последний дюйм своего пива. – Этот остров вам не то что Таиланд. Чтобы туда попасть, надо иметь яйца. Даль несусветная.

– Эй, яйца у нас имеются, – сказал Джейк. – А как же котелок?

Терри не обратил внимания на его подначку.

– Неопишуемая красота. Представьте туристическую брошюру или открытку с прекрасным пляжем и умножьте на миллион. Только этот остров, как сейчас говорят, без фотошопа.

– Серьезно? – Виржини улыбнулась в ответ на скептический взгляд Джейка, но постаралась, чтобы ее голос звучал искренне. – Там настолько красиво?

– Мягкий белый песок, на котором только ваши следы, пальмы, самая прозрачная вода, какую вы когда-либо видели... полный кайф. Каждый сухой сезон туда отправляются несколько лодок – заметьте, всего несколько. И так из года в год... что-то вроде тайного клуба для своих. – Он постучал себя по носу. – Имеются кое-какие клубные правила, но дружелюбные. Само собой, там нет ни магазинов, ни яхт-клубов, ни кондиционеров, даже радио не ловит. Но вам-то, ребята, все это и не нужно, верно? Там чистое ничто, понима-

ете? Вам придется довольствоваться компанией друг друга. Ни стрессов, ни волнений, уйма времени. Да, чистое ничто и при этом – всё.

Джейк незаметно для Терри подмигнул ей. В его глазах мелькнул веселый огонек.

– Звучит потрясающе, Терри, – сказал он. – Как нам туда добраться?

Виржини спрятала улыбку за бокалом.

Терри потянулся к размокшей подставке и поставил ее на попу.

– Отсюда недели три пути, смотря какая лодка. У вас тридцатишестифутовая, верно? Значит, до ПБ три дня. – Он провел подставкой вдоль края стола, прокладывая невидимый маршрут.

– До ПБ?

– До Порт-Брауна.

Виржини рассмеялась:

– Звучит не очень по-малазийски.

– Англичане назвали. И этот остров, о котором я говорю, тоже раньше был британским, но его отдали, понимаете? – Он вернулся к своей демонстрации. – Так вот, в ПБ заготовьтесь чем надо – топливом, водой, припасами. Забудьте рундуки, нужник, все остальное. На месяцы вперед. – Подставка изменила направление, устремившись к Джейку. – Потом две тысячи миль на запад-юго-запад. Проведете в море добрых две недели. Ближайшая суша от острова – Шри-Ланка. –

Он покачал своим пустым бокалом. – В пяти днях пути. – Стакан со стуком опустился на стол в углу, дальнем от яхты-картонки. – Но вас точно больше никуда и не потянет. Сезон благоприятствует, до самого острова по ветру пойдете. Раз плюнуть. – Подставка набрала скорость и пришвартовалась рядом со стаканом Джейка. – В юго-западном углу есть естественная гавань. Кидаете якорь и... – он с размаху шлепнул подставку на столешницу, – начинаете наслаждаться жизнью.

Это была всего лишь глупая болтовня, дурацкая игра, но в животе у Виржини вспорхнули бабочки. Так или иначе, через несколько дней они отчелят и мечты, которые они рисовали себе дома, наконец начнут сбываться. Босая нога Джейка лежала на ее ноге. Она выгнула пальцы, чтобы потереться о его ступню.

– Ты сам-то там бывал? Ну, в этом Эдеме? – спросил Джейк.

Терри выудил из кармана рубашки кисет с табаком, достал из него фильтр.

– А то. Иначе стал бы я вам про него рассказывать? Каждый сезон двенадцать лет подряд с женой, пока она не умерла. – Он зажал фильтр губами и разложил на колене папиросную бумагу.

Значит, он не просто трепач.

– Двенадцать лет? – спросила Виржини. – Так много?

Терри поднял взгляд от дорожки табака, которую высыпал

на бумагу.

– Ты что, не слушала? – Фильтр, прилипший к его верхней губе, качнулся. – Зачем плыть куда-то еще? Уж поверьте, я много где побывал, но с этим островом ничто не сравнится. Жаль только, мы не знали о нем в вашем возрасте. – Он вытащил изо рта фильтр, положил его на бумагу и свернул самокрутку. – Лучше места для медового месяца не придумаешь. Забудьте отпуск на Мальдивах на всем готовеньком. Это не настоящая жизнь. Хотите испытать свой брак на прочность – отправляйтесь в местечко вроде этого. Мы прожили в браке сорок два года. Гранит.

Сорок два года. Виржини взглянула на Джейка. Целая жизнь. Каким он станет, когда ему стукнет семьдесят?

– Терри, а кто из вас первым предложил туда отправиться? – спросила она. – Ты или Эйлин?

Он прищурился, морщины в уголках глаз сделались глубже.

– Знаешь, уже и не помню. Но только, разок там побывав, мы, черт возьми, вскорости вернулись. Что-то есть в этом месте. Не одна красота. Первозданность. Удаленность. Пронимает до самого нутра. По ощущениям – ты и она наедине с миром.

– Переживите это – и переживете что угодно?

Терри издал хриплый прокуренный смешок:

– Точно. Такие воспоминания дорогого стоят.

Терри зажал в губах незажженную самокрутку и, скрежет-

нув стулом по кафелю, поднялся.

– Ну ладно, мне пора. – Пожав ладонь Виржини мозолистой пятерней, Терри кивнул Джейку. – Смотрите сами, но если соберетесь, точно не пожалеете. Верно говорю. Спокойной ночи.

Виржини проводила его взглядом. Как легко привыкаешь судить о людях по внешности, даже если постоянно напоминаешь себе этого не делать. За время их разговора ее мнение о Терри изменилось, и сейчас, глядя на его удаляющуюся спину, она представляла его тридцатилетним, полным энергии и амбиций и по уши влюбленным в молодую жену.

Он был уже почти у выхода, когда Виржини сообразила, что он так и не сказал им название острова.

– Терри, а как называется твой остров? – спросила она, повысив голос, чтобы он ее услышал.

Старик остановился, придержав рукой открытую дверь.

– Амаранте. – Он откашлялся и, к ее удивлению, продекламировал: – «В Раю в былые дни вблизи от Древа Жизни впервые цвел бессмертный амарант»¹⁸. – И растворился в ночи.

¹⁸ Д. Мильтон, «Потерянный рай», пер. О. Чюминой.

Амаранте.

Виржини лежала без сна в каюте, наслаждаясь воздухом из вентилятора, щекочущим кожу.

Amar-ante.

Красивое слово, звучное.

Amour-ante.

Место любви, место до любви. Место для любви.

Рядом спал Джейк. Вскоре после ухода Терри они вернулись к себе и с нетерпением упали на кровать. Но проснулась она рано, что было непривычно. Виржини была типичной совой, и дома, когда Джейк подходил пожелать спокойной ночи, она продолжала работать за кухонным столом. Музей плохо финансировался, сотрудников не хватало, так что по вечерам она, как правило, разгребала текучку. Директор шутил, что у нее самые исчерпывающие экспликации на свете, но она не жалела времени. Истории и артефакты, которые привозили из плаваний старые моряки, завораживали ее.

Джейк, наоборот, был ранней пташкой и даже по выходным, когда ему не нужно было на верфь, целовал ее на рассвете и отправлялся поматросить на чьей-нибудь яхте в гонке вокруг буйков или помочь в детском клубе парусного спорта. Здесь же, не иначе как благодаря равной продолжительности дня и ночи и расслабленному образу жизни мест-

ных, их ритмы синхронизировались. В Малайзии жизнь текла гораздо медленнее, чем в любом прочем месте, где Виржини жила. В Лондоне, Париже и даже Лимингтоне все всегда бурлило, и ей было трудно отключиться от суеты.

Бессмертный амарант.

Она выскользнула из кровати и подошла к штурманскому столу, где заряжался ее телефон. Набрала в поисковике слова Терри. Они оказались строчкой из Мильтона, его амаранту не хватало одной буквы до названия острова Терри. Подняв откидную крышку стола, Виржини вытащила стопку морских карт – подержанных, с размякшими и обтрепанными краями, бумага кое-где покрылась плесенью. Европа, Австралия, Южно-Тихоокеанский регион. Затем Индийский океан. Карта была устаревшая, отснятая на ксероксе – с каким осуждением прищелкнул бы языком отец! – и потребовалось несколько минут, чтобы разобраться в выцветших пунктирных линиях, цифрах и сокращениях «Р» и «Кор», которые обозначали ракушки и кораллы на морском дне.

Она нашла место, где они сейчас стояли на якоре. Расставив циркулем большой и указательный пальцы, отмерила примерно четыреста миль вдоль побережья Малазийского полуострова. Порт-Браун. Так. Потом еще пять раз столько же к западу-юго-западу, в обход северной оконечности Суматры. Где-то... здесь. Она ткнула пальцем в карту и прищелкнулась. На бумаге была черная точка, но при масштабе, где тысяча миль умещалась в длину ладони, трудно было

определить, остров это или дефект печати. Лупа не помогла. Виржини перебирала карты, пока не нашла чуть более современную версию, и перепроверила. Да, вон он, крошечный одинокий островок среди океана. На этой карте значилось название – *Амаранте*.

В кормовой каюте заворочался Джейк, и вентилятор со щелчком затих. Джейк подошел и нагнулся, чтобы ее поцеловать, положил горячую руку на ее плечо.

– Уже встала? Рановато для тебя.

– Не спалось. Решила поискать Амаранте.

– Остров любви Терри?

– Вот он. Смотри.

Джейк наклонился:

– Ага! Амаранте. – Он поднес карту к самому лицу, затем, нахмурившись, отвел ее на расстояние вытянутой руки. Поджал губы. – Здесь не написано, райский он или нет. – Карта легла обратно на стол. – Кофе?

Щелкнула плита, и он поставил воду закипать. Она взяла карту, по правому краю которой тянулась изрезанная береговая линия Таиланда. Возможно, Терри прав и Таиланд – не лучший выбор. Знаменитые пляжи, превращенные в съёмочные площадки, вездесущие туристы, неприкрытое торгашество. Разве это приключение?

Вспомнилась карта мира, которую они повесили на стену в квартире, она тогда принесла из музея пачку детских наклеек, маленьких мультяшных корабликов, и они с Джейком

прилепили их на бумагу в местах, которые им нравились, пометив самые девственные, отдаленные, экзотические уголки планеты. Созданный ими флот стремился навстречу свободе и открытиям.

– Джейк, почему бы нам не поплыть туда? На Амаранте? – предложила она, еще не успев додумать мысль.

Он потянулся к шкафчику.

– Что? С чего вдруг?

– Ну, похоже, это как раз то, чего мы хотим. Красота. Покой. Красота.

– Ты повторяешься.

Это трудно было выразить словами. Как объяснить какое-то глубинное, разливающееся тепло, распространяющийся свет, предвкушение того, что могло бы быть? Она могла бы признаться, что купилась на обещания, которые сулил остров, но это показалось бы глупым; лучше обратиться к его любопытству, к возможностям, которые перед ними открываются.

– И это может быть интересно, верно?

Он порылся в холодильнике. Коробка молока глухо стукнула, когда он поставил ее на стойку.

– Тайный остров, похожий на рай на земле, куда можно попасть только на собственной лодке? Брось, Ви. Люди годами плетут такие небылицы.

Его реакция удивила – обычно они были на одной волне во всем, что касалось этой поездки. Джейк рассказал о своем

плане купить лодку еще в начале их отношений. К тому времени она уже заметила его одержимость моряками-исследователями – его книжный шкаф был набит зачитанными томами Слокама, Стивенсона, Мойтесье и Нокс-Джонстона¹⁹. Он даже привез с собой сюда несколько любимых книг, которые бережно хранил с тех пор, как был подростком. Виржини полагала, что ему нужен вызов в жизни.

На собственной яхте они могут отправиться куда угодно – так почему бы не выбрать что-то небанальное? Студенткой, путешествуя с рюкзаком, Виржини всегда доезжала на поезде до конечной станции, подальше от обычных точек притяжения вроде Рима и Будапешта. Так она и оказалась в Линингтоне – и вот к чему и *к кому* это ее привело. Как можно найти острые ощущения или ожидать перемен, роста, если все время делаешь одно и то же? Сейчас ей выпал шанс испытать новые впечатления вместе с Джейком, отправиться туда, где мало кто побывал. Она не могла позволить себе упустить такую возможность.

– Я знаю, что это, по сути, байки старого яхтсмана, которых мы наслушались в подпитии, – произнесла она.

¹⁹ Джошуа Слокам (1844–1909) – канадско-американский мореплаватель и исследователь, первым совершивший одиночное кругосветное плавание. Бернар Мойтесье (1925–1994) – французский моряк, известный своим участием в кругосветной яхтенной гонке «Золотой глобус». Роберт Льюис Бэлфур Стивенсон (1850–1894) – шотландский писатель, автор приключенческих романов и повестей. Сэр Уильям Роберт Патрик Нокс-Джонстон (р. 1939) – британский моряк, первым совершивший безостановочное одиночное кругосветное плавание.

Джейк сел на диван и вытянул ноги.

– А ты не думаешь, что для начала стоит попробовать что-то поближе к нашей зоне комфорта?

– Да ладно. Навыков у нас обоих более чем достаточно. Ты сам говорил, что тебе надоело шататься по тавернам в Средиземноморье. Разве в Таиланде будет не то же самое?

Он водил рукой взад-вперед по волосам, как всегда, когда был в чем-то не уверен.

– Мы приехали за приключениями, – продолжала Виржини, вертя на пальце обручальное кольцо. Этот брак сработает. Джейк – это навсегда. – Разве не в такое место ты всегда мечтал попасть?

Взгляд Джейка скользнул к книгам.

– Как насчет компромисса? Сейчас поплывем на Амаранте, а потом в Таиланд. Или на Бали, на Суматру – куда захочешь, – не отступала Виржини.

Он провел пальцем по ободку своей чашки. Один раз, второй.

– Не знаю, Ви. Я понимаю, о чем ты, но почему мы не можем придерживаться первоначального плана? Это безумие – следовать указаниям полужнакомого мужика. Какая-то детская охота за сокровищами.

Так вот что его не устраивает? Не Амаранте как таковой, а то, что идея исходила от другого мужчины? Виржини в голову не могло прийти, что он из таких парней.

– К тому же это так далеко, – добавил он. – Терри сказал,

там ничего нет. Почему ты вечно все усложняешь? «Обычно» еще не значит «скучно».

– Ну да, это сложно. Но не невозможно. Почти то же самое, что плыть в Таиланд, просто чуть дальше, в другом направлении.

– Дело не только в этом.

– Конечно. Но самое сложное мы уже сделали – добрались сюда.

Они откладывали деньги, планировали, штудировали карты. Накупили навигационных атласов, изучили местность, муссонные погодные условия. Использовали каждую свободную минуту, чтобы подготовиться как можно лучше. Помимо всего прочего, совершили этот величайший прыжок – решились уехать. В любой момент они могли отступить. Но не отступили.

– Я думала, что это твоя мечта. Ты заразил ей и меня. В горе и в радости, мы поклялись, Джейк. Вот она, радость, здесь и сейчас. – Виржини постучала по карте. – Для этого мы и купили нашу лодку. Будет здорово. «Путеводная звезда» готова. Мы готовы. Кто знает, может, мы захотим остаться там навсегда. Медовый месяц длиною в жизнь.

Виржини пересекла салон, села к нему на колени, обняла за плечи.

– Построим соломенную хижину и поселимся на пляже, как герои «Голубой лагуны». – Она чмокнула его в губы.

Его руки легли на ее талию.

– Ты бы хорошо смотрелась в травяной юбке.

Если шутит – значит, она победила.

– Ты правда так сильно этого хочешь, Ви?

Она кивнула и поцеловала его уже по-настоящему.

– Ну? – спросила она, когда его глаза были еще закрыты. –

Что думаешь?

Он открыл глаза и встретил ее взгляд.

– Думаю, мы это сделаем.

Через пять дней после того, как они впервые услышали об Амаранте, Виржини стояла у штурвала рядом с Джейком, ведущим «Путеводную звезду» через гавань Порт-Брауна. Воду бороздили местные лодки, нагруженные канистрами с топливом, ящиками с безалкогольными напитками и пассажирами – настолько, что корпуса опасно осели. Люди в лодках провожали их яхту взглядами.

Она спустилась под палубу, чтобы вот уже в третий раз попытаться связаться с конторой начальника порта. Эфир заполняли помехи и разговоры на малайском. За время пребывания в Малайзии она выучила несколько слов, но не более чем стандартные приветствия, названия продуктов – *kopi* (кофе), *air* (вода) – и основные места – *tandas* (туалет), *restoran* (ресторан).

Она высунула голову из люка:

– Бесплезно. Никто не отвечает.

– Ладно, поднимайся сюда и помоги разобраться, куда плыть. Сделаю еще круг.

При втором заходе Виржини заметила, что их внимание пытается привлечь одна из маленьких алюминиевых лодок. Водитель указал на «Путеводную звезду», затем на ряд рыболовных судов, привязанных на краю гавани. Вот он – свободный промежуток.

– Он подсказывает, чтобы мы пришвартовались вон у той стенки, – передала она Джейку, и тот повернул штурвал туда, куда она указывала, где старые автомобильные покрышки были прикованы цепями к бетону в качестве кранцев.

Ближе к берегу в ноздри ударил резкий запах сушеной рыбы. Из тени полуразрушенного шлакоблочного здания выпала толпа мужчин. Они перелезли через рыбацкие лодки и криками и взмахами рук показали Виржини, чтобы бросила им швартовы. Через несколько секунд толчков, рывков, криков и маневрирования яхта пристала, ватага тут же рассеялась. Некоторые мужчины снова уселись на корточки под деревом, другие остались стоять, сворачивая самокрутки и наблюдая, но без особого интереса.

После трех дней постоянной морской качки неподвижность одуряла. Виржини огляделась. Поскольку это был исторический портовый город на торговом пути, она ожидала, что архитектура будет колониальной, но портовый район Порт-Брауна был уродливым и еще более грязным, чем некоторые места, которые она видела тем летом, когда путешествовала поездом по Европе, куда отец отправил ее, чтобы от нее отделаться.

В день, когда он купил ей билет, не переставая лил дождь, и вздувшиеся оштукатуренные стены их старого дома дышали сыростью. Как выяснилось, семейным гнездом этому дому предстояло оставаться недолго. В гостиной они были вдвоем, хотя сидела, конечно, только она. Отец никогда не

сидел, никогда не оставался на одном месте подолгу – чудо, что он вообще умудрялся заканчивать картины и продержался в семье первые семнадцать лет ее жизни. «Вот. – Отец протянул ей конверт и не опускал руку, пока она не взяла его. Это был один из плотных, кремовых, шершавых на ощупь конвертов из его кабинетного стола, в которых он рассылал счета клиентам. – Умница».

Он пытался выдать билет и небольшую сумму на расходы за подарок, но даже тогда, подростком, она воспринимала это как взятку, и знание о его интрижке с женщиной, чей портрет он писал, обесцветило все, что она видела в путешествиях. Она искала самые уродливые города, подбирая обстановку под настроение. Но ни один из них не выглядел таким убогим, как этот.

Немногочисленные крытые жестью здания вокруг гавани гнили от тропической влажности. За крутым бетонным парапетом, служившим причальной стенкой, виднелся лысый газон, редкие пучки жухлой травы торчали между выгоревшим на солнце мусором. В скудной тени низкорослого дерева дремала бродячая собака палевого окраса с набухшими сосками. Чуть поодаль ребенок чесывал живот, глядя, как его мать моет посуду под брызжущей колонкой. Воздух казался плотным от лодок – их вони, шума, движения, – и море было не лучше: грязный коричневый бульон, подкрашенный тонкой пленкой солярки.

Когда Виржини принесла снизу судовые документы и пас-

порта, на нее нахлынула усталость.

– Ненавижу это место, – сказала она Джейку, когда он проходил мимо.

Боже, как она надеялась, что они не совершили ошибку.

– Максимум два дня, – пообещал он, поцеловав ее в макушку. – Потом отчалим.

К счастью, он удержался от фразы «Я же говорил».

В конторе начальника порта они дожидались в коридоре, пока молодая индианка с блестящими волосами, заплетенными в косу почти до колен, не вызвала их и не приняла судовые документы. Кабинет, в который они вошли, был голым, единственную мебель составляли обшарпанный письменный стол и стулья. Компьютера не было. За столом работал чиновник, тоже, судя по всему, индийского происхождения. Не прерываясь, он жестом пригласил их сесть. Потрескавшиеся жалюзийные ставни позади него впускали мух, но не воздух. Виржини обмахивала лицо рукой. Виски у Джейка были мокрые. К одной из стен был прибит малазийский флаг, рядом висела покрытая пятнами сырости карта мира, такая старая, что на ней господствовал розовый цвет Британской империи.

Когда девушка с косой положила на стол их бумаги, чиновник – Н. Ахмад, судя по именной табличке перед ним, – поставил ручкой последний росчерк и выпрямился. После чего сложил пальцы домиком, так что их кончики оказались

вровень с его густыми усами, затем положил запястья на край стола и по очереди оглядел визитеров.

– Вы хотите плыть на Амаранте.

Первым отозвался Джейк:

– Да, сэр.

– Название вашей лодки?

– «Путеводная звезда».

Н. Ахмад перебрал документы.

– Здесь указано другое название.

– Мы его изменили, – объяснила Виржини.

– Изменили? Почему?

Ахмад – это имя или фамилия? Будет ли неправильно обращаться к нему «мистер Ахмад»? Наверное, лучше вообще избегать имен, как это сделал Джейк.

– Видите ли, сэр, оно нам не нравилось. Мы захотели дать новое.

– Вы изменили на лодке? Надпись?

Она представила буквы, которые нанесла на борта, и очень понадеялась, что ей не придется снова их сошкуривать.

– Да, – ответил Джейк. – И в реестре. В интернете. Когда мы отплыли, бумажный оригинал еще не дошел, но вот из этой распечатки видно, что яхта та же самая. – Он перегнулся через стол и ткнул пальцем в свидетельство о регистрации.

– Изменять название очень плохо, – сказал Н. Ахмад.

О боже. Только бы не застрять здесь, в Порт-Брауне, на

несколько недель в ожидании бумажки. Возможно, поможет женский подход. Виржини широко раскрыла глаза:

– Плохо?

– Да, плохая примета. Изменять название лодки – очень плохая примета.

Джейк фыркнул:

– Ой, да ладно, я...

Виржини предупредительно положила руку ему на локоть. Он собирался объявить, что знает сколько угодно переименованных лодок, что в Англии новые владельцы поступают так постоянно – сколько послеразводных «Моих половинок» они видели в маринах? Но сейчас не время и не место пререкаться.

– Вы можете внести плату за разрешение? – спросил Н. Ахмад.

Она вытащила из сумки кошелек.

– Да. У меня есть рингиты и американские доллары.

– Подходит и то и другое.

Чиновник медленно перечитал каждый документ. Со скрипом выдвинул ящик стола. Достал бланк.

– Можете оставаться на острове два месяца, – сказал он, заполняя бумагу. – Разрешение только на два месяца. После этого вы должны уплыть. Наступает юго-западный муссон. Очень опасно. Вы понимаете?

Двух месяцев должно хватить. Если Амаранте оправдает их надежды, они всегда смогут вернуться в следующем году.

Она посмотрела на Джейка, и он коснулся ее колена.

– Да, – ответила Виржини. На другом конце кабинета резко затрещала электромухобойка, в которую влетело насекомое. На пол с шелестом упал сухой трупик.

Кончиками пальцев, потемневших от бетеля, Н. Ахмад поднял печать. Он изменил дату и, занеся печать над разрешением, снова оценивающе посмотрел сначала на Джейка, а затем на Виржини.

– На Амаранте ничего нет, – сказал он. – Нет больницы, нет береговой охраны, только военный патрульный корабль один, может, два раза в год. Нет спасательных вертолетов. Радио не работает, нет телефона, нет интернета. Вы понимаете?

Промокшая от пота блузка прилипла к пояснице. Его слова звучали как предостережение, но именно уединенность и делала остров Амаранте таким привлекательным. Если бы там было полно ресторанов и туристов, они могли бы отправиться в любое другое место. Виржини хотела ответить «да», но воздух в комнате был таким сухим, что звуки застряли в горле, потому она просто кивнула. Печать опустилась.

Не успела Виржини взять листок бумаги из пальцев Н. Ахмада, как он уже склонился над своими бумагами. Когда они с Джейком выходили из кабинета, снова раздался треск мухобойки.

Насекомые стрекотали, наполняя своим неумолчным хором теплый вечер. В ресторане под открытым небом Виржини пила. Сначала воду, чтобы охладить горло, затем вино, наслаждаясь его минеральным привкусом. Как же хорошо снова быть чистой и чувствовать себя человеком! Долгие часы, проведенные за рассовыванием еды и других припасов на несколько месяцев в каждый свободный дюйм лодки, вымотали ее, но это была приятная усталость, от которой тело отяжелело, а движения сделались вялыми. Джейк, такой же утомленный, сидя по другую сторону стола, улыбнулся ей уголком рта.

Виржини расслабленно сползла по спинке стула, радуясь, что солнце ушло и жара чуть спала. Все рестораны в Порт-Брауне были под открытым небом. Этот, по сути, представлял собой дворик, заставленный столами и стульями, с баром и зоной подачи в одном конце, а также хозяйственными постройками у дороги, в которых располагались кухня, туалеты и, предположительно, кладовки. Никакой защиты от стихии. Что делают здесь люди, когда муссон меняется, налетают свирепые ветра и на улицы обрушиваются ливни? Наверное, закрываются на этот сезон.

Принесли еду – куриный карри, острый от бадьяна, – и они быстро, почти молча поели. Когда официант – индеец,

как и начальник порта – подошел забрать тарелки, Джейк поднял свою опустевшую пивную бутылку, и тот понимающе качнул головой. Одет официант был во все белое – чистую тунику с высоким воротником поверх узких брюк. Как только он ушел, Джейк сказал:

– В этой форме парень похож на слугу из колониальных времен. Казалось бы, они должны хотеть оставить все это позади.

Официант вернулся, балансируя серебряным подносом на кончиках пальцев, поставил на стол пиво и чистый стакан.

– Еще вина, мадам?

– Нет, спасибо. Мне достаточно. – Она приподняла на дюйм свой бокал. На бумажной скатерти остался влажный кружок.

– Конечно, мадам. – Официант снова плавно повел головой и ушел.

Позади Джейка, в дальнем конце ресторана, покачивалась под легким бризом гирлянда цветных лампочек. Виржини перевела взгляд с лампочек на мужа. *Мюз*. Спустя шесть месяцев это слово все еще казалось слегка неуместным. Она так привыкла считать своим мужем Тома. Хотя они были в разводе уже три года, глядя на свою левую руку и видя на месте крупного сапфира простое кольцо-ободок, она каждый раз испытывала секундное замешательство. Нужно стряхнуть с себя это чувство. Виржини решила, что в этом плавании так и поступит.

Она села прямо. Джейк выглядел разбитым.

– Если хочешь, можем лечь пораньше, – предложила она.

Он зевнул и извинился. Потом взял ее за руку.

– Не ожидал, что сборы меня так подкосят.

Она переплела свои пальцы с его.

– То же могу сказать о себе.

– Завтра будет поспокойнее. Просто закупимся топливом – и полный вперед.

Полный вперед... наконец-то они отчались. Виржини снова почувствовала прилив волнения.

– Звучит здорово. – Быстрое пожатие, и она встала: – Я в туалет.

Путь через ресторан и барную зону проходил мимо единственного, помимо их, занятого столика. Пара за этим столиком явно была туристами, но не англичанами – загорелый, хорошо одетый белый мужчина и красивая чернокожая женщина в красном платье. Женщина была примерно ее возраста, мужчина лет на десять-пятнадцать старше. Когда Виржини проходила мимо, мужчина поднял глаза. *Orang putih*, как местные называли приезжих из западных стран, всегда замечали друг друга – возможно, потому, что таких тут было немного.

Когда она вышла из туалета, красивая женщина вполголоса разговаривала с двумя местными мужчинами, оба сидели на мотоцикле, работавшем на холостом ходу, в проулке между улицей и туалетами. Один был тощий как пугало, в

блестящих побрякушках, нелепых на футболке «Манчестер Юнайтед», другой очень толстый и весь в черном. При появлении Виржини все трое замолчали, женщина поправила вечернюю сумочку на плече. Она выглядела беспокойной, даже немного нервной, но, возможно, ей просто не терпелось в туалет. Виржини коротко улыбнулась ей, как бы говоря: «Он весь ваш». Женщина вошла в туалет, мотоциклисты уехали.

Спутник женщины тоже покинул свой столик. Они с Джейком стояли у бара и разговаривали.

– Заводишь друзей? – спросила Виржини, подойдя.

– Добрый вечер, – произнес незнакомец.

Высокий, на полголовы выше Джейка, он обладал привлекательностью, которую придает обеспеченная космополитичная жизнь, – подтянутый, загорелый, чисто выбритый. Белоснежная льняная рубашка сияла чистотой. Точно определить его акцент было трудно – возможно, американский, но с испанскими нотками.

– Это Витор, – представил Джейк собеседника. – Он тоже на лодке. Витор, это моя жена Ви.

– Или Виржини, – сказала она, пожимая протянутую руку. – Можно и так и так.

– Виржини, – повторил мужчина. На его запястье блеснули увесистые часы. – *Êtes-vous française?*²⁰

– Наполовину, – ответила она на английском. – В детстве я подолгу жила во Франции. Но ради Джейка давайте лучше

²⁰ Вы француженка? (*фр.*)

по-английски.

– Прошу прощения. – Мужчина выпустил ее руку и слегка поклонился. – Джейк говорит, вы здесь в большом морском приключении?

Виржини не сумела скрыть восторга от этого определения. Она указала на причальную стенку, где была пришвартована «Путеводная звезда»:

– Это наша.

Он улыбнулся, затем указал на другую часть гавани:

– А вон моя малышка. «Санта-Мария». Как надежный корабль Колумба.

Разумеется. Днем, вернувшись с шумного рынка, они видели, как большой катамаран плавно вошел в гавань и бросил якорь напротив рыбацкого причала. Она тогда отметила красоту яхты и снова сосредоточилась на том, чтобы передавать Джейку продукты из шлюпки, не уронив их в воду. Теперь, зная, на что смотрит, она различила в темноте якорный фонарь на топе мачты, его белое сияние сливалось со светом уличных фонарей на берегу позади яхты.

– Что привело вас в Порт-Браун? – спросил Витор, обращаясь к Джейку. – Вряд ли его красота.

– Нет, зашли сюда, только чтобы сделать припасы. Завтра отчаливаем.

– Куда?

– На Амаранте.

– Вот как.

Значит, он знает об острове, может быть, даже направляется туда. Как удачно было бы встретить попутчиков! Прежде чем Виржини успела спросить, у него зазвонил мобильник. Витор отклонил вызов, убрал телефон и указал на их столик:

– Присядем?

Виржини одними глазами задала тот же вопрос Джейку. Она предпочла бы остаться, но если он хочет лечь пораньше, то сейчас самое время извиниться и уйти. Он чуть заметно пожал плечами, как бы говоря: «Почему бы и нет?» Они сели.

– Попрошу еще вина, – сказал Витор и подозвал официанта: – То же самое и четыре бокала. – Затем он повысил голос и крикнул через ресторан: – Дорогая, присоединяйся к нам!

Та женщина – его жена? девушка? – возвращалась из туалета. Такая фигура, как у нее, у Виржини всегда вызывала зависть – изящная, с идеальными округлостями, длинные ноги, тонкие руки. Очень женственная. Волосы спускались ниже лопаток и были заплетены в косички, частично сколотые вместе, – прическа ей шла, открывала красивые скулы, матово отражающие свет. Вблизи Виржини разглядела, что платье – да, красное, но изысканного оттенка – не из тех, что можно купить в масс-маркете. Она была моложе, чем Виржини сперва подумала, даже не ее ровесница, а лет двадцати пяти, не больше. Одежда и подчеркнута отстраненная манера держаться делали ее старше. Витор представил ее как Те-

резу.

– Привет, – сказала она с натянутой улыбкой.

Вместо того чтобы подать руку, она покрепче вцепилась в свою сумочку, и Виржини, которая уже было протянула ладонь, поспешно убрала ее. Как и пару минут назад у туалета, она уловила исходящую от Терезы нервозность. Возможно, они с Джейком нарушили ее планы на вечер и она уже собиралась уйти. Но когда Витор отодвинул для Терезы стул и жестом предложил ей сесть, она не стала противиться.

Официант принес вино, и Витор бросил на стол стопку купюр, с лихвой покрывающих счет. Когда бокалы были наполнены, он откинулся на спинку стула.

– Итак, вы направляетесь на Амаранте. Вы знаете, что его называют райским островом?

– Так ты тоже о нем слышал?

Витор закинул ногу на ногу.

– В прошлом году мне рассказал о нем один партнер в Мумбаи. Советовал там побывать, но дела... – Он развел руками. – Сами понимаете, как это бывает. У меня возникли небольшие проблемы в Рио. Задержка. Но сейчас все в порядке.

Значит, она права, они тоже направляются на Амаранте. А Рио объясняет его акцент.

– Ты из Бразилии? – спросил Джейк.

Телефон снова зазвонил – то ли Витор популярен, то ли кто-то очень хочет с ним связаться. Он перевел телефон в

беззвучный режим.

– Я много лет жил в Нью-Йорке.

– А как насчет тебя, Тереза? – спросила Виржини. – Ты бразильянка?

Тереза рассеянно смотрела в сторону бара, явно витая мыслями где-то далеко. Виржини снова окликнула ее:

– Тереза?

Та обернулась:

– Нет, я из Мапуту. В Мозамбике. Вы знаете мою страну? – Она растягивала «о» и раскатывала «р».

Мозамбик был одним из тех мест, где Виржини предлагала Тома провести медовый месяц, наряду с поездкой по южным штатам США и коттеджем в шотландском нагорье. Вместо этого он забронировал старинный отель в Риме: «В Европе гораздо цивилизованнее».

– Мозамбик далековато от Бразилии, – сказала Виржини. – Где вы двое познакомились?

Но Тереза уже снова впала в задумчивость.

– Дорогая, – Витор наклонился к ней, – не каждый день мы встречаем собратьев-моряков. – Он положил ладонь ей на бедро. – Нам стоит подружиться, да?

Он убрал руку, и Тереза как будто решила расслабиться и выбросить из головы то, что ее беспокоило, потому что повернулась лицом к столу.

– Конечно. – Она с улыбкой потянулась к своему бокалу. – Ты прав. – Она сделала глоток вина, но, вероятно, слишком

большой, потому что ей стоило усилий его проглотить. Она прижала пальцы к горлу, а когда снова смогла говорить, добавила: – Нам очень повезло.

Некоторое время они болтали, как Виржини обычно болтала с другими случайными знакомцами в путешествии, разделяя приятный вечер и легкое чувство чуждости, задавая поверхностные, безопасные вопросы и завязывая хрупкие, как паутинка, связи, рассчитанные не дольше чем на один вечер. Витор говорил больше, чем Тереза, которая в основном кивала, соглашаясь с его словами, не высказывая собственного мнения. Но она казалась довольной, улыбалась, кивала и со смехом прятала лицо на его плече, когда он переводил для нее шутки, которых она не понимала на их быстром, смазанном вином английском.

Первая бутылка опустела, а содержимого второй заметно поубавилось, когда их разговор заглушил рев двигателя. Виржини обернулась. В ресторан въезжал мотоцикл, направляясь напрямик к самой барной стойке. Не тот ли, что стоял перед туалетами? Оба ездока были без шлемов, куртка водителя, по обыкновению малазийских мотоциклистов надетая задом наперед, натянута на большом животе. Он остался сидеть на мотоцикле, двигатель грохотал, фара была направлена на их стол. Пассажир прыгнул. Тот, что в футболке «Манчестер Юнайтед» с побрякушками. Это были те же два типа. Что происходит? Виржини посмотрела на Терезу.

Та подхватила сумочку, заморгала от внезапного света.

Официант подскочил к мотоциклу, что-то яростно выкрикнул по-малайски. Пассажир схватил его за грудки. Несмотря на свою худобу, он был выше ростом, и контраст между его брутальной футболкой и старомодной формой официанта, Новым Светом и Старым, был таким же резким, как и его поведение. Он толкнул официанта, и тот отлетел на один из столов.

Джейк вскочил:

– Эй!

У Виржини свело живот.

– Джейк, нет.

Тощий байкер вызывающе уставился на Джейка, и Виржини ощутила, как тело ее превращается в желе. Витор тоже привстал, сверля малайца взглядом. Он что, их знает? «Не надо, – мысленно взмолилась Виржини, – пожалуйста, не надо».

Из кухни с криком выбежал пожилой мужчина. Последовал короткий разговор, сопровождаемый ревом мотоцикла. Наконец, к ее облегчению, толстый водитель заглушил двигатель и байкеры проследовали за пожилым мужчиной на кухню. Дверь со стуком закрылась. Официант выровнял стол. Виржини перевела дыхание. Все нормально. Все снова спокойно.

Джейк сел.

– Что это было?

Витор проверил свой телефон, его лицо осветилось голубым сиянием.

– Да кто их знает? Скорее всего, деловые разборки.

– Забавный способ улаживать дела, – заметил Джейк.

Витор заблокировал экран телефона.

– Джейк, здесь все устроено иначе, чем в Англии. Сам поймешь, когда пробудешь здесь подольше. За полсотни лет независимости многое изменилось. Ты увидишь. И приспособишься, как и я.

Виржини его слова показались немного странными. Но, возможно, он и прав. Они с Джейком – новички.

Тереза все еще смотрела в сторону мотоцикла.

– Тереза, ты знакома с этими людьми? – спросила Виржини.

Та повернулась к столу, с деланой наивностью моргнула.

– Я не знаю этих мужчин.

– Да? А я думала...

Тереза решительно покачала головой:

– Они мои незнакомые.

Ее голос звучал твердо, однако Виржини была уверена, что это неправда. И по напускному хладнокровию Терезы, по тому, как та избегала взгляда Витора, но прямо, с вызовом уставилась на нее, Виржини догадалась, что эта ложь для Витора. Оставалось либо уличить ее, либо замять дело и не встречать.

– Прости, значит, я ошиблась. – Виржини виновато раз-

вела руками и задела бокал.

Джейк успел поймать его, поставил, а затем слегка сжал ее колено. Пора сменить тему, найти о чем поговорить, чтобы никому не наступать на мозоли.

– Итак, Витор, когда ты собираешься на Амаранте? – спросила Виржини.

Витор усмехнулся:

– Я? На Амаранте? – Он положил телефон на стол экраном вниз. – Нет, я туда не собираюсь. Я здесь по делу. Зачем мне плыть в место вроде Амаранте? Что я там забыл?

Видимо, она неправильно его поняла. Неважно. Но его ответ задел Виржини, и ей захотелось оправдать свое – их – решение, объяснить, почему так рвется в место, которого она еще не видела, но которое уже ее зацепило.

– Ты шутишь, да? А как же красота? Природа, покой, время? Проверка на самодостаточность, испытание изоляцией? Да хотя бы просто приключение?

Витор изучающе посмотрел на нее. Плевать, если ее слова прозвучали наивно, – по крайней мере, никто больше не думает о том мотоцикле. И вообще она действительно верит во все это, какой бы романтической банальностью это ни казалось со стороны. Она взглянула на Терезу. Та наблюдала за тем, как Витор наблюдает за Виржини.

– Я слышал, что сейчас на острове ничего нет, – сказал Витор. – Вам нужно как следует подготовиться.

– Мы подготовились, – сказал Джейк.

– Ничего страшного, что не будет привычных удобств, – сказала Виржини. – Мы понимаем, что придется чем-то жертвовать. – Для убедительности она подалась вперед. Вся усталость рассеялась. – Но оно того стоит. В конце концов, за все лучшее в жизни приходится платить.

Наступила пауза, Виржини чувствовала, что Витор взвешивает ее слова, оценивает.

– Совершенно верно, – произнес он наконец и отсалютовал ей бокалом, будто решив, что ему нравится, когда ему бросают вызов.

Тут в другом конце ресторана снова возникло движение. Байкеры вышли из кухни и с хозяйским видом направились к мотоциклу. Витор отсалютовал бокалом и им. Они его проигнорировали. Водитель сел первым и, когда за его спиной мотоцикл оседлал тощий пассажир, завел двигатель. Заднее колесо вильнуло, и они умчались прочь.

Через несколько минут после того, как малайцы уехали, Витор сунул телефон в карман и встал:

– Что ж, мне надо разобраться кое с какими делами. Спокойной ночи. – Он поцеловал Виржини в обе щеки и пожал руку Джейку.

Виржини, слегка разомлевшая от вина, наклонилась к Джейку, провожая взглядом эту загадочную пару. Мягкие замшевые мокасины Витора не издавали ни звука, пока он вел Терезу через двор, и тишину нарушало только пение цикад в пандановых зарослях.

– Жаль, что они не плывут на Амаранте, – сказала Виржини, когда они вернулись на «Путеводную звезду».

В салоне было душно, как в парилке, она сняла блузку и села на верхнюю ступеньку трапа, надеясь поймать немного воздуха.

Джейк, чистя зубы, вышел из санузла. Его голова оказалась вровень с ее бедрами.

– Почему? – спросил он с полным ртом пены.

Она поерзала на ступеньке, противоскользящая поверхность царапала бедра.

– Похоже, они приятные люди. Тереза, конечно, довольно молчалива, но, может, она вылезла бы из своей скорлупы, если бы мы узнали ее поближе.

Джейк попытался ответить, но хоть и запрокинул голову, чтобы говорить сквозь зубную пасту, она разобрала только невнятное «Пвавда?». Он поднял палец, вернулся в санузел, и она услышала, как он сплюнул, а затем скрип ножного насоса, когда он ополаскивал раковину.

– Правда? – Он вышел, вытирая рот полотенцем. – Приятные? Мне так не показалось.

– А как тебе показалось?

Он перебросил полотенце через плечо, как пиджак, и принял позу фотомодели.

– Видела эти мокасины? Сколько, по-твоему, они стоили?

– На мой взгляд, они ему идут.

– Неужели? – Джейк насмешливо приподнял бровь. – Он и впрямь красавчик. Признаюсь, я бы тебя не осудил.

– Да я не в этом смысле. – Какой же он клоун! Виржини потянулась вниз, сдернула с его плеча полотенце и набросила ему на голову. – Я имею в виду, что если он хочет потратить восемьсот евро на пару обуви и может себе ее позволить, то почему бы и нет?

Он снял полотенце и по-боксерски накинул на шею.

– По многим причинам, не последняя из которых – это преступление против моды. А как насчет практичности? Замша – на лодке? Ну-ну, удачи. Что не так со старыми добрыми шлепанцами за пять фунтов?

Она рассмеялась и спустилась по трапу.

– Напомню тебе об этом, когда в следующий раз ушибешь пальцы на ноге. – Когда она сорвала с его шеи полотенце, он поймал его за другой конец и притянул ее к себе.

– Малыш (это ласковое прозвище Джейк сразу дал ей), нам больше никто не нужен. – Он уткнулся носом ей в шею, и Виржини почувствовала запах мяты. – Нам достаточно друг друга.

На следующее утро, когда они заправлялись топливом, оформляли документы на выход из порта и делали последние звонки домой, катамаран Витора все еще стоял на якоре

в бухте.

– Ты ведь будешь осторожна, да? – спросила мать.

В Лондоне было очень поздно. Виржини не хотела нарушать режим матери.

– Буду, не волнуйся. Позвоню тебе, когда снова появится сигнал.

– И когда это случится?

– Месяца через три. – Она отсчитала вперед. – Ух ты, уже в новом году!

Виржини снимала швартовы, когда, шлепая сандалиями по бетону, подбежал тот самый портовый чиновник, что оформлял им разрешение на Амаранте.

– Мисс! – крикнул он, размахивая над головой ксерокопией выписки. – Ваши бумаги. – Она завела швартов на утку и подождала, пока чиновник подойдет поближе. – Разрешение на выход из порта, – пояснил он, дыша так глубоко, что рубашка натягивалась на животе. Виржини впечатлило, что ему удастся бегать в шлепанцах без задников. Он снова взмахнул документами: – Очень важные. Вам понадобятся в следующем порту.

– На Амаранте?

– Не Амаранте. – Он погрозил пальцем. – Говорю вам, на Амаранте нет таможи. После, после.

– Простите. Я пошутила.

– О, очень смешно, мисс. – На солнце Н. Ахмад казался гораздо менее суровым, чем у себя в кабинете.

Джейк вышел на потопчину, чтобы посмотреть, что происходит.

– Проблемы?

– О нет, сэр. Просто вы забываете эти бумаги. – Когда он отдал их Виржини, его внимание привлекла «Санта-Мария».

– Красивая, правда? – сказала она. – Вчера вечером мы познакомились с владельцами. Очень приятные люди. Хотя и не захотели плыть с нами на Амаранте.

– Нет, – ответил он, – они плывут на Анжуан²¹. Очень плохое место.

Похоже, Н. Ахмаду не нравилось нигде, кроме Порт-Брауна. Виржини сложила документы пополам.

– Вам еще что-нибудь от нас нужно?

Взгляд чиновника по-прежнему был устремлен на «Санта-Марию».

– Сэр?

– Нет-нет. Это все. – Он отмахнулся и полез в карман за телефоном. – Плывите.

Пока они запускали двигатель, отвязывали кранцы от висящих на цепях покрышек и отшвартовывались, чиновник стоял на пристани, разговаривая по мобильнику. Когда «Путеводная звезда» отошла от причальной стенки, он отвел телефон от уха.

– До свидания! – прокричал он, жестикулируя так, будто

²¹ Остров в Индийском океане, принадлежащий государству Коморские Острова, которое считается одним из самых бедных в мире.

пытался ускорить их отплытие. – Попутного ветра!

– Попутного ветра? – крикнула Виржини в ответ. – Где вы этому научились?

– Мне это научил английский моряк. Для удачи. Попутного ветра!

Когда они миновали последних рыбаков и остались только море, небо и горизонт, Виржини разделась до бикини и позволила ветру сдуть с ее кожи пот. Северо-восточный муссон был устойчивым, и паруса надулись, креня набирающую скорость «Путеводную звезду». Какой восторг – обуздать ветер, знать его силу и все же держать его под контролем, какая свобода – распоряжаться своим собственным замкнутым мирком в гармонии с погодой, течениями и фазами луны!

Натяжение приподняло ненадежный зажим фок-шкота. Виржини, нагнувшись, вернула его на место, прижала ладонью, а затем встала у штурвала рядом с Джейком. Позади них перо руля взбивало воду в густую пену, шипела кильватерная струя – она обожала этот звук всегда, еще с семейных каникул в детстве. Филипп, как и она, продолжал ходить под парусом, а вот сестры позволили взять над собой верх морской болезни. К счастью, ее саму почти никогда не укачивало. Она вдохнула полной грудью. Ветер в волосах и бескрайний синий простор. Никаких забот, только наслаждение плаванием; ничего позади – во всяком случае, ничего важного, – и все впереди. Будущее и все, что оно принесет.

Она лениво задумалась, сложилась ли бы жизнь по-другому, если бы, когда Джейк впервые заговорил о том, чтобы купить лодку и уплыть, она отказалась. Он мог бы не сделать предложение так скоро, и, возможно, сейчас они уже не были бы вместе. Не то чтобы она ждала предложения, вовсе нет, но Джейк был таким... *заразительным* – вот подходящее слово. Когда они только познакомились, он мило стеснялся, хотя сейчас это прошло, и как же он ее смешил! Виржини улыбнулась, вспомнив утро после того, как она переехала в его квартиру. Он водил пальцем по россыпи веснушек на ее руке, затем схватил ручку и стал соединять точки, притворяясь, что это созвездия. «Большая Сковородка, – говорил он. – Пучеглазая Золотая Рыбка». Потом нарисовал фигуру, похожую на настоящее: «Кассиопея». Прекрасная гордая царица, вознесенная ввысь и навеки заключенная в ночном небе. Она откинула одеяло, чтобы поискать небесные узоры на его теле, и в конце концов оба обессилели от смеха и покрылись каракулями.

Жить с Джейком легко. Не нужно волноваться, дотягивает ли она до стандартов и проходит ли проверки, о которых даже не подозревала. Ничего общего с тем, что было с Тома. Поначалу она пыталась успокаивать себя: она молода; Тома знает, что лучше; отец не свел бы ее со своим лучшим клиентом и не поощрял их брак, да еще при такой разнице в возрасте, если бы они друг другу не подходили. Надо было прислушаться к своей интуиции. Слава богу, Джейк совер-

шенно не похож на Тома, в их отношениях нет того удуш-
яющего чувства.

Только доверие, взаимное уважение и любовь. И мно-
го-много страсти.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Джейк.

– Так, ничему.

Джейку нравились рассветные вахты, Виржини же пред-
почитала первую половину ночи. Закаты и восходы на этой
широте наступают быстро, смотреть особо не на что. Луч-
шее световое шоу начинается, когда в усыпанном звездами
небе повисает ковш Млечного Пути. Она сделала несколько
снимков на телефон, но они либо смазались, либо запечатле-
ли черную пустоту – ничего общего с реальностью. Она все
равно не смогла бы их выложить в Сеть – их лодка уже была
далеко за пределами зоны действия сигнала.

Тепло было все время, и ей хватало бикини. Мелкие мор-
ские брызги – нет, даже зефиры соленой воды, слишком
легкие, чтобы по-настоящему их почувствовать, – время от
времени орошали ей руки, шептали у самых ушей, оседали
на губах. Огни Порт-Брауна остались позади уже несколь-
ко дней назад, однако ритуал окончания дня и прощания с
людьми, мыслями и заботами она переживала по-прежнему
остро. Хотя анемометр «Виндекс» стабильно показывал ско-
рость ветра пятнадцать узлов, по ночам стихал даже шум
волн и ветра и такелаж был неподвижен. Океан будто отхо-

дил ко сну.

Джейк ушел в каюту, чтобы вздремнуть перед вахтой, и тусклый красный свет лампы на штурманском столе был уютным, как детский ночник. Если не считать трехцветного фонаря на топе мачты, единственным источником света были приглушенные приборные панели, и когда Виржини смотрела на них, а затем на темный океан, перед глазами плыли негативы электронных чисел, отпечатавшихся на сетчатке.

Странно подумать, что дома сейчас середина дня. Если сегодня будний... А будний ли? Она отсчитала назад до Порт-Брауна. Да, сегодня среда. Значит, сейчас учителя и их ассистенты, вероятно, водят от одного ее экспоната к другому стайку школьников, а те прижимают к витринам носы. В Лондоне мама пропалывает сад, бросая пучки сорняков в корзину, которую всегда держит под рукой. Папа... ну, либо работает над очередной картиной, либо торчит в табачной лавке. Брат и сестры – она достаточно хорошо знала их распорядок, чтобы определить каждому из них конкретное место или занятие.

Везде продолжается обычная жизнь, но здесь, для нее и Джейка, обыденности больше не существует. Цифры на часах мало что значат, ну разве что разделяют двадцатичетырехчасовые отрезки на поочередные вахты. Эти вахты стали их крошечными днями и ночами: четыре часа управляешь яхтой, четыре отдыхаешь, будь то при свете дня или в темноте. В открытом океане негде бросить якорь, негде остано-

виться, сделать паузу. Есть только распорядок, забота о яхте и друг о друге. Очень помогало то, что «Путеводная звезда» оказалась неприхотливой госпожой. А когда они доберутся до Амаранте, свободы станет еще больше. Все ее время будет принадлежать ей. Она сможет делать что захочет и когда захочет, и никто не скажет ей ни слова поперек.

Под ногами, внутри лодки, все было тихо. Джейк спал, распластавшись на кровати. Виржини заглянула в каюту, чтобы проверить, как он, когда в последний раз спускалась, чтобы заполнить журнал. Увиденное слегка ее растрогало. В таком переходе, оставляя на вахте другого человека, ты возлагаешь на него единоличную ответственность за каждое решение, каждое действие и реакцию, по сути – за свою жизнь. То, что Джейк спит, означает, что он доверяет ей полностью. А через несколько часов она, в свою очередь, полностью доверится ему.

Виржини спала, когда услышала свое имя. Она вынырнула из толщи сна.

– Пора. – Над ней склонился силуэт Джейка, темный против дневного света. – Минут через пять, наверное.

Она заставила себя сесть, потерла глаза и сказала, что сейчас придет. Казалось, прошло всего ничего с тех пор, как она спустилась после ночной вахты и заползла в кровать, еще хранившую отпечаток тела Джейка. Но если осталось только пять минут, она, должно быть, проспала несколько часов,

пока лаг²² отсчитывал морские мили.

Ополоснув лицо, она слегка пришла в себя и вышла наверх, на солнце. Кругом простиралась тонкая голубая линия горизонта, сплошная и непрерывная, создавая иллюзию, что они единственные люди на свете, что тридцать шесть футов их яхты заключают в себе весь мир.

Джейк включил автопилот, чтобы встать в передней части кокпита, рядом с маленьким GPS-навигатором, установленным на приборной панели. Она посмотрела на координаты: градусы, как и вчера вечером, были нулевыми, но теперь нулевыми стали и минуты, а секунды убывали. Она заметила, с каким восторгом Джейк смотрит на GPS. Они вот-вот его пересекут. Сколько моряков испытали это до них? Она взяла Джейка за руку и начала вслух отсчитывать секунды, как будто в канун Нового года, и он считал вместе с ней. Но затем он сказал «Подожди» и, отпустив ее руку, взял свой телефон и направил камеру на навигатор. Три... два... один. Вот она, широта 0°00'00". Экватор. Они попали с севера на юг, сменили одно полушарие на другое.

Хотя это было невозможно, она почти ожидала, что время остановится или произойдет что-то еще, знаменующее эту важную перемену. Но, как и на рубеже веков, ничего не случилось. Виржини посмотрела на мужа, а затем на море. Разумеется, все было по-прежнему: Джейк, она, колыхание Индийского океана, непрерывная линия между морем и небом.

²² Лаг – прибор для определения скорости хода судна.

Единственная разница отражалась на навигаторе, где буква *N* сменилась на *S*, а цифры – сначала секунды, позже минуты и градусы – неуклонно росли по мере того, как «Путеводная звезда» приближалась к месту назначения.

Вопреки уверениям некоторых заправских моряков, она не почувствовала запаха земли, прежде чем ее заметить, и увидела ее, только когда они подошли почти вплотную. На картплоттере²³ не было никакой полезной информации, поэтому она не знала, что высматривать: насколько остров высокий, есть ли в его центре скалистый пик?

– Райский остров Амаранте – безликий оранжевый многоугольник на серо-голубом экране, – сказал Джейк, зайдя за штурвал и положив подбородок ей на плечо.

– Умерьте сарказм, мистер. Вот увидишь, он нас не разочарует. – Ее вера в обещания Терри не угасла.

– Надеюсь, ты права. – Он уменьшил масштаб, показывая просторы океана и, почти за пределами экрана, материковую часть Малайзии и Порт-Браун. – Потому что обратный путь будет чертовски долгим.

Виржини вернула масштаб обратно. Маленькая иконка в форме лодки, изображающая «Путеводную звезду», продвигалась все ближе к оцифрованному побережью. Они вглядывались в горизонт, пока не увидели остров своими глазами.

²³ Картплоттер – электронная картографическая система на морском судне с дисплеем на приборной панели.

ми – темное пятно над белой полосой, которая в дрожащем мареве парила над морем. Медленно, по мере того как яхта продвигалась вперед, остров увеличивался в размерах и деталях. Пятно превратилось в невысокие заросли деревьев, а полоса – в жемчужный песчаный пляж. Под водой пестрая зеленая тень рифа образовывала баррикаду, заставляя их держаться подальше от берега.

Джейк наклонился к панели зажигания, чтобы завести двигатель. Мотор кашлянул, но не запустился. Джейк выдержал паузу и попытался еще раз. Двигатель снова лишь фыркнул. Что ж, он был выключен две недели.

– Спустишь, продую его. – Джейк направился вниз. – Ну что, бог любит троицу? – сказал он, вернувшись.

На этот раз, когда она повернула ключ, двигатель с урчанием заработал.

Странно было слышать механический шум после двух недель только ветра, океана и звуков их собственных голов. Они свернули кливер, и Виржини развернула нос яхты по ветру, чтобы можно было опустить грот. Когда паруса были убраны, она повела яхту на запад и нашла брешь в рифе, пока Джейк попеременно то наблюдал за эхолотом, то всматривался в стену деревьев на песчаном берегу. А затем заросли закончились, земля изогнулась, и перед Виржини оказалась самая красивая бухта, какую она когда-либо видела.

Бухта была широкой, как внутренний изгиб полумесяца. Над самой водой склонялись кокосовые пальмы, а за ними

тянулась густая чаща. На песок цвета старой слоновой кости выползали лианы, стирая границу между пляжем и джунглями. В спокойных водах, укрытых островом от ветра, преломлялись и искрились лучи заходящего солнца. Всего две лодки, равномерно расставленные по бухте, стояли на якоре носами к берегу. Над носом ближайшей яхты вяло трепетал на бечевке ветроуловитель. Единственный шум издавал двигатель «Путеводной звезды».

Они не произносили ни слова, молчаливо признавая, что момент, который они переживают, настолько совершенен, что заговорить значило бы его испортить. Виржини подошла к Джейку и обняла его. Его сердце под ее ладонью учащенно билось.

Амаранте. Наконец-то они здесь.

Рассвет не наступал целую вечность. Виржини лежала на спине, стараясь не ерзать и не беспокоить Джейка. Ей хотелось сменить позу, но она так долго ворочалась, что вынудила его отодвинуться на дальнюю сторону кровати, и теперь заставляла себя не шевелиться.

После двух недель непрерывного морского перехода она должна бы чувствовать себя измотанной, но сна ни в одном глазу. Каждый дюйм ее тела переполняла бодрость, от бурлящей энергии обострились все ощущения: соленая шершавость собственной кожи, кислотоватый привкус во рту, биение пульса на шее. Виржини смотрела через люк над их головами на ночное небо, на густую россыпь звезд. Во время перехода звезды приводили ее в восторг, но сейчас они раздражали, мешали начать исследование Амаранте и выяснить, так ли хорошо это место, как было обещано и как она надеялась. Давай, утро, поспеши, торопила она.

Наконец звезды погасли, небо посерело и по миру на цыпочках прокралось утро. При первых проблесках Виржини подхватила сброшенную ночью футболку и вылезла в основную часть лодки.

Дожидааясь, пока заварится кофе, она заглянула в дверной проем каюты. Джейк все еще лежал на животе – руки под головой, лицо отвернуто, рельеф спины очерчен рассветом.

Надеясь, что его разбудит аромат кофе или скрип деревянных ступенек, Виржини поднялась на палубу и пересекла маленький кокпит. Встав на якорь накануне вечером, они были так заняты возней с яхтой, что не успели как следует осмотреться до темноты. Сейчас она увидела, что «Путеводная звезда» повернулась по течению и стоит бортом к пляжу. Мир в тусклом утреннем свете еще не заиграл красками – серовато-бежевый пляж, морская вода отликает сталью. Она была готова поспорить, что не пройдет и часа, как восходящее солнце придаст песку такой ослепительный кремовый оттенок, что не взглянешь без солнечных очков, а мелководье между яхтой и пляжем станет аквамариновым.

Виржини села в центре палубы, пристроив чашку на согнутые колени, а ступнями упершись в леер, и стала разглядывать две другие лодки. Яхты выглядели такими же старыми, как и их, – одна слева и одна справа, и позади каждой привязано по шлюпке. Корпус левой лодки был белым. На треугольной раме на корме была закреплена небольшая доска – красный кленовый лист на белом фоне. Канада. Вторая лодка была темно-зеленой. К ее флагштоку был привязан флаг, но из-за отсутствия ветра он поник, так что его принадлежность не определить. Яхты стояли достаточно близко, чтобы удалось увидеть их владельцев, если бы они вышли на палубу, но не настолько, чтобы рассеялось ощущение уединения. Пожалуй, неплохо, что им будет с кем поговорить, если, конечно, эти люди не окажутся чокнутыми. Или зануда-

ми вроде Терри. И все же немного жаль, что остров не принадлежит только им двоим.

Снизу донесся звук открывающихся и закрывающихся дверей, и из люка, держась за деревянные поручни и щурясь от света, высунулся Джейк. На нем были только трусы, волосы с одной стороны головы торчали, лицо обросло седоватой бородкой. Он не хотел бриться, пока они были в море.

– Который час?

– Не знаю. Почти шесть?

Он несколько раз моргнул:

– И ты уже встала?

– Мне не спалось. – Виржини указала чашкой на остров. Как она и предсказывала, цвета набрали открыточную насыщенность. – Слишком уж волнуюсь.

– Да, я тоже. – Джейк зевнул. – Вернее, буду волноваться, когда позавтракаю и приму душ. – Он взбежал на палубу и картинно перегнулся через Виржини за своими шортами. Его подмышка, оказавшаяся прямо над ее головой, пахла застарелым потом. – Хотя, раз уж мы вернулись к истокам, я, пожалуй, откажусь от мытья и бритья. Обрасту как следует. – В голосе появились озорные нотки. – Впрочем, почему бы мне не пойти до конца и не стать дикарем из Амаранте? – Повернувшись к трапу, он стянул с себя трусы, переступил через них и остановился, медленно почесывая зад. – Точно, так и поступлю.

Она рассмеялась и бросила в него прищепкой, но промах-

нулась – он уже исчез внизу.

Виржини одевалась в каюте, когда по корпусу яхты прокатился громкий стук.

– Ау! – донесся женский голос.

Джейк поднял взгляд от сковороды, на которой жарил яичницу. Он все еще был голым.

– Я схожу, – сказала Виржини.

Солнце на палубе было убийственным. Она пошарила в волосах в поисках очков и выругалась про себя, когда поняла, что оставила их в каюте. Но вернуться сейчас было бы невежливо. В маленькой деревянной весельной лодке, мягко покачивающейся на волнах, стояла женщина, держась за кормовой леер «Путеводной звезды», чтобы ее не отнесло течением. Примерно того же возраста, что и Виржини, или, может, на пару лет постарше, лет тридцати пяти, спортивная, в купальнике, с короткой стрижкой «пикси» и двумя болезненными розовыми пятнами на плечах.

– Привет. Как жизнь? – Женщина прищурилась от солнца и улыбнулась. – Видели вечером, как вы приплыли, но решили дать вам время освоиться. Я подумала, вас вряд ли осчастливит, если к вам сразу нагрянет толпа незнакомцев.

Виржини рассмеялась, обрадованная таким теплым приемом, и женщина снова улыбнулась и заслонила глаза ладонью.

– Я Стелла. По моему акценту, наверное, понятно, что я

вон с той лодки. – Она кивнула в сторону канадской яхты. – Мы здесь уже пару месяцев. Обожаем это место и возвращаемся каждый год. Ой, извини, что-то я разболталась. Это потому что вы свежие собеседники. Новенькие – всегда целое событие. – Она оборвала себя, прикрыв рот ладонью. – Извини. Я даже не дала вам возможности представиться.

Когда она употребила множественное число, Виржини оглянулась через плечо. На верхнюю ступеньку поднимался Джейк. К счастью, он надел шорты.

– Я Виржини, – сказала она, снова повернувшись к Стелле. – А это мой муж Джейк.

Стелла убрала ладонь от глаз и быстро помахала ему:

– Рада знакомству.

– То-то я удивился, что не слышал ничьего приближения, – сказал Джейк. – Ты весельщица.

На ее маленькой лодке не было подвесного мотора, но на дне лежала пара весел.

– Точнее, гребчиха. Люблю греблю. Она заменяет мне рядку.

Стелла не походила ни на чокнутую, ни на зануду – скорее на человека, которого Виржини хотела бы узнать поближе.

– Позавтракаешь с нами? – Возможно, такой здесь и будет жизнь. Друзья, заглядывающие на огонек. Легкость. Веселье.

– Я уже поела, так что обо мне не беспокойтесь. Но на борт, пожалуй, поднимусь. Спасибо. – Она привязала свою лодку и, проигнорировав протянутую Джейком руку, с лег-

костью перемахнула через ограждение.

Стелла села напротив Виржини и смотрела, как Джейк ставит на стол напитки и передает Виржини тарелку с яичницей-болтуньей.

– Ух ты! Молоко! – Стелла коснулась капельки конденсата на коробке. – Больше месяца не пила настоящего молока.

Джейк придвинул молоко к ней:

– Угощайся.

Она убрала руку:

– О нет, что ты. Оно ваше. Наслаждайтесь, пока можете. Через месяц тоже будете мечтать о молоке.

В дальнем конце бухты затарахтел подвесной мотор. Это придало бухте почти домашний уют – словно кто-то из соседей запустил газонокосилку или двигатель своей машины.

– У вас, наверное, полно вопросов, – сказала Стелла, переводя взгляд с Виржини на Джейка и обратно.

Виржини понятия не имела, с чего начать.

– Раньше мы ничего подобного не делали, – сказала она. – Я даже не знаю, что мне нужно знать.

– Что ж, начну с представлений. Нас не так много, так что это быстро. Я, как вы уже знаете, Стелла, а моего мужа, он сейчас вон там, на нашей «Ласточке», – она указала на белую яхту, – зовут Пит. Мы путешествуем уже несколько лет. Нас занесло сюда из самого Ванкувера.

– Не ближний свет, – присвистнул Джейк.

– Да, мы добирались постепенно. Не уверена, что мы зна-

ли, во что ввязываемся, когда уехали, но нас так задолбала городская жизнь, понимаете? Десять лет этой херни, с самого выпуска из колледжа. Пит в страховании, я в маркетинге. Настоящие крысиные бега, конвейер, верно? – Она звонко рассмеялась. – Перед отъездом я сожгла все свои офисные костюмы. Устроила маленькую церемонию. Теперь мы дайверы. Когда можем – работаем, потом находим уголки вроде этого. Мы любим тихие места. – Она подняла бровь. – Знаю-знаю, но это правда. Мы приплыли сюда в самом начале сезона, как только смогли.

Виржини слушала Стеллу, затаив дыхание. Дело было не просто в скорости и количестве ее слов, хотя они и лились быстрым потоком, но и в ощущении узнавания, почти что возвращения домой. Она чувствовала, что, возможно, нашла свое племя, других людей в мире, которые думают так же, как она и Джейк, и тянутся навстречу неизведанному.

Стелла повернулась и указала на зеленую лодку:

– А вон там «Ариэль», где живут Роли – Роланд – и Гас. Гас – его пес, а не партнер, но, думаю, это вы и сами поймете, когда его увидите. Хотя он и впрямь частенько ведет себя как человек. – Она снова звонко засмеялась. – Роли – австралиец, кладезь знаний и неофициальный старейшина нашей маленькой деревни. Приплывает сюда годами. Раньше тут была и его жена Кристина, но не так давно она решила вернуться к городской жизни, и с тех пор Роли один. Если понадобится узнать, как что-нибудь починить или смастерить, Роли тот,

кто вам нужен. Ремонт лодок сходит у нас за развлечение. – Стелла улыбнулась. – Но вообще-то здесь не так скучно, как кажется. Вы только оглянитесь вокруг!

Солнце уже стояло высоко, и бухта ошеломляла красотой. В центре треугольника, образованного лодками, кончики крыльев скала рассекли поверхность воды в нежном приветствии.

Стелла встала:

– Вы наверняка умираете от желания исследовать остров, так что не буду задерживать. Если что-нибудь понадобится, просто крикните. Вечером разожем для вас приветственный костер. Это островная традиция для вновь прибывших. Выпьем немного на пляже, познакомимся друг с другом и все такое. Скажем, часов в семь? – Она подула себе на лицо. – Ну у вас и пекло. Да, дороговато мы платим за приют. Вам бы соорудить навесы, создать побольше тени. Солнце здесь палит без передышки. Вещи защитить тоже не помещает, ультрафиолет быстро все портит. – Она со смехом коснулась розовой кожи на плече: – Уж я-то знаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.